На правахъ рукописи.

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ,

ИЗБРАННОЙ СОВѢТОМЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

для отвѣта на вопросы, предложенные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ измѣненіи устава 1884 года.

№ 32108 48900

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типо-Литографія М. Зильберберга и С-вья.
(Рыбная улица, домъ № 30-й).
1901.

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. 24-го Августа 1901 года

Ректоръ Университета *Г. Лагермаркъ*.

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ,

организованной Совѣтомъ Императорскаго Харьковскаго Университета для отвѣта на вопросы Министерства Народнаго Просвѣщенія касательно измѣненія университетскаго устава 1884 года.

А. Общая часть.

Высокій ревнитель и покровитель русскаго просвѣщенія Государь Императоръ Николай Александровичъ въ своемъ „историческомъ“ рескриптѣ на имя нынѣшняго Министра Народнаго Просвѣщенія ген.-адъютанта П. С. Ванновскаго призналъ благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному пересмотру и исправленію народнаго образованія въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Министръ Народнаго Просвѣщенія, надѣясь, что и всѣ служащіе по ввѣренному ему министерству окажутъ полное содѣйствіе въ исполненіи возложеннаго на него порученія, приглашаетъ ихъ къ совмѣстной дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы. Первымъ практическимъ шагомъ въ дѣлѣ реформы высшей школы является прямое обращеніе къ университетамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся желательныхъ измѣненій нынѣ дѣйствующаго устава.

При такихъ условіяхъ, Коммиссія считаетъ своимъ долгомъ, съ полною откровенностью, отвѣтить на предложенные ей вопросы, но предварительно признаетъ необходимымъ высказать свой взглядъ на основную причину недостатковъ современнаго университетскаго строя

и на тотъ основной принципъ, на которомъ его слѣдовало бы построить. Настоящій, чисто бюрократическій строй университетовъ является ненормальнымъ— это признано правительствомъ; объ этомъ единодушно говоритъ печать; вполнѣ сознаемъ это и мы сами. Университетскіе безпорядки, принявшіе въ послѣдніе годы столь печальныя формы и сдѣлавшіеся какъ бы хроническимъ явленіемъ, представляются только однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, но далеко не единственнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія нашего общественнаго организма. Мы, профессора, непосредственно руководящія образованіемъ студентовъ, знаемъ и многія другія болѣзненныя явленія, но намъ не только нельзя было врачевать ихъ, но трудно было даже указывать на нихъ. Главнымъ зломъ мы, по внутреннему самосознанію, признаемъ духъ равнодушія, который явился необходимымъ результатомъ *недовѣрія* министерства къ университетамъ и, какъ естественнаго послѣдствія его, суровой и излишней регламентаціи. Уставъ 1884 г., позаимствовавшій механически многія черты строя нѣмецкихъ университетовъ, но не усвоившій ихъ основы и сущности — академической свободы, не находился въ соотвѣтствіи ни съ началами русской жизни, ни съ потребностями времени. Не имѣя у насъ той исторической основы, какая у него была на западѣ, онъ совершенно не привился къ намъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, очень скоро сдѣлался причиною застоя и регресса. Вмѣсто живой дѣятельности, при немъ развился формализмъ и излишняя централизація: университеты превратились въ канцеляріи; дѣятельность совѣтовъ была до такой степени съужена, что они своею властью не могли рѣшить вопроса о перенесеніи профессорскихъ лекцій съ однихъ часовъ на другіе и должны были запрашивать объ этомъ министерство; лишенные права самопополненія, эти ученыя коллегіи сдѣлались поневолѣ равнодуш-

ными къ тому, что составляетъ живую душу университета; разобщенные другъ съ другомъ и со своими слушателями, лишенные довѣрія и связаннаго съ нимъ самоуправленія, профессора потеряли свой нравственный престижъ въ глазахъ молодежи и не могли уже оказывать того благотворнаго вліянія, какое, при коллегіальномъ строѣ академической жизни, обыкновенно имѣютъ наставники на своихъ питомцевъ; студенты, на которыхъ установленъ былъ взглядъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета, представляли дезорганизованную массу, въ которой хозяевами положенія сдѣлались крайніе элементы;—болѣе благоразумная и умѣренная часть студенчества, дорожившая университетомъ и его наукой, должна была оставаться въ сторонѣ, не имѣя никакихъ законныхъ формъ для проявленія своихъ чисто студенческихъ, академическихъ интересовъ. Спрашивается: развѣ мыслимо было живое общеніе профессоровъ со студентами и сердечное попеченіе первыхъ о вторыхъ, когда между ними воздвигнута была столь высокая стѣна?

И только коллегіальное начало съ автономіей могутъ разрушить эту вредную, искусственную преграду, поднять научный уровень университетовъ и нравственный авторитетъ профессоровъ, оздоровить, наконецъ, въ значительной степени и учащуюся среду. Говоримъ „въ значительной степени“, потому что никакой уставъ самъ по себѣ не можетъ гарантировать полнаго отсутствія безпорядковъ. Университеты не имѣютъ возможности совершенно оградить своихъ питомцевъ отъ внѣшнихъ общественныхъ и политическихъ вліяній. Нужно однако стремиться по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы учащаяся молодежь, во время прохожденія университетскаго курса, не оставалась безъ добраго нравственнаго воздѣйствія своихъ наставниковъ. Но для нравственнаго престижа этихъ послѣднихъ необходимо поднять значеніе университетовъ, какъ научныхъ цент-

ровъ, а это немыслимо безъ свободы научнаго изслѣдованія. Эта послѣдняя составляетъ живую душу, источникъ силы, крѣпости и естественнаго роста нѣмецкихъ университетовъ, залогъ культуры народа и государства. Университеты тамъ—центры и главные органы науки. Она преподается и теоретически, и практически, смотря по тому, какой способъ лучше и ближе ведетъ къ ея усвоенію. Наука же безъ свободнаго изслѣдованія невозможна, а при свободѣ изслѣдованія непремѣнно будутъ разныя мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Довѣріе къ университетамъ прежде всего должно выразиться въ замѣнѣ бюрократическаго надзора свободой научнаго изслѣдованія и преподаванія. Ключъ къ правильному разумѣнію свободы преподаванія въ Германіи, писалъ въ своемъ отчетѣ Министерству Народнаго Просвѣщенія покойный проф. К. Д. Кавелинъ, скрывается въ строгомъ различеніи ученаго изслѣдованія и педагогической дѣятельности отъ *политической* и практической. Въ Германіи всѣ, отъ мала до велика, знаютъ, что мысль вольна какъ воздухъ, что ее нельзя вдвинуть въ рамки; каждый убѣжденъ, что она полезна потому, что выясняетъ всякій предметъ со всѣхъ сторонъ, что по этому ей надо дать возможный просторъ, безъ котораго она жить не можетъ; но столько же убѣжденъ каждый, что съ той минуты, какъ мысль переходитъ въ дѣло, она подпадаетъ подъ общія постановленія, охраняющія законы, тишину и порядокъ въ обществѣ. Все это въ Германіи твердо знаютъ и профессора, и студенты, какъ физіологическіе законы человѣческихъ обществъ, которые дѣйствовали, дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать, пока міръ стоитъ. Но возможно ли это у насъ? Если возможно въ Германіи, то можетъ хотя, конечно, постепенно, не сразу осуществиться и у насъ. Разграничительная черта между теоретическою и практическою дѣятельностью существуетъ и *должна существовать*; та и другая под-

ходятъ къ предмету съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ и съ различными цѣлями – въ одномъ случаѣ интересуетъ предметъ самъ по себѣ, научная *истина*, въ другомъ его примѣненіе; въ одномъ случаѣ желаютъ *знать*, въ другомъ *дѣйствовать*; можетъ быть вредной практическое примѣненіе несозрѣвшей мысли, но не приноситъ вредныхъ результатовъ всестороннее освѣщеніе ея съ теоретической стороны; въ научной перспективѣ, и крайнія, ложныя теоріи теряютъ свой заманчивый характеръ, ибо сопоставляются съ другими и подвергаются критическому разбору.

Необходимость самоуправленія вытекаетъ изъ того, что университеты, въ противоположность другимъ государственнымъ учрежденіямъ, являются учрежденіями sui generis; ихъ дѣятельность посвящена наукѣ и преподаванію ея, а потому цѣлесообразно управлять ими *могутъ* только тѣ же люди науки; они одни могутъ судить о научныхъ потребностяхъ университетовъ и о найболѣе разумныхъ средствахъ ихъ удовлетворенія; только они могутъ быть найболѣе компетентны во всемъ томъ, что касается учащагося юношества, потому что это послѣднее опять таки связано съ университетомъ цѣлями научнаго образованія; наконецъ, *только* профессора могутъ знать матеріальныя потребности университетовъ и ихъ многочисленныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; слѣдовательно, они должны играть руководящую роль въ расходованіи отпускаемыхъ на университеты и ими самими собираемыхъ средствъ. Наконецъ, нравственнаго воспитательнаго вліянія университетовъ на студентовъ опять таки можно ожидать только отъ профессоровъ и, слѣдовательно, имъ должна быть поручена и организація необходимыхъ для этого мѣръ, и приведеніе ихъ въ исполненіе.

Между тѣмъ въ основу устава 1884 года былъ положенъ ложный взглядъ, что университеты суть такія же административныя мѣста или учрежденія, какъ

и всѣ другія, и что профессора суть ни что иное, какъ чиновники вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Государственный механизмъ не можетъ обойтись безъ цѣлой системы органовъ, при посредствѣ которой осуществляются велѣнія Верховной власти. Въ этой системѣ, при бюрократическомъ строѣ государства, установившемся въ большей части управленія нашего отечества, *чиновники*, въ качествѣ руководителей исполненія и исполнителей этихъ велѣній, играютъ большую и весьма почтенную роль. Нѣтъ надобности говорить, что чѣмъ образованнѣе эти чиновники, чѣмъ болѣе развито въ нихъ сознаніе долга и чѣмъ выше уваженіе къ закону, опредѣляющему степень власти и компетенцію каждаго изъ нихъ, тѣмъ, при прочихъ условіяхъ, правильнѣе будетъ функціонировать вся система управленія. Но тотъ же государственный механизмъ никоимъ образомъ не можетъ обойтись безъ такихъ учрежденій, въ основу которыхъ положено самоуправленіе съ выборнымъ началомъ. Сюда принадлежатъ земскія и городскія учрежденія; сюда же принадлежатъ и университеты. Какъ системѣ чиновниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойственно опредѣленное іерархическое подчиненіе, обусловливающее успѣхъ управленія и обезпечивающее населеніе отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, такъ совершенно неприложимо это іерархическое подчиненіе къ области науки и къ служителямъ ея—профессорамъ и ученымъ; для самой возможности существованія и развитія ученаго мышленія и творчества необходимо широкое право свободнаго изслѣдованія. Ученая мысль никоимъ образомъ не можетъ, безъ ущерба для дѣла, быть связанной велѣніями чужой воли, быть направляемой ею въ ту или другую сторону. Всегда и всюду только при условіи свободы изслѣдованія, она давала плодотворные результаты, снискавшіе ей авторитетъ и уваженіе не только учащихся, но и широкихъ круговъ общества.

Если всякій чиновникъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, долженъ для пользы дѣла въ большой мѣрѣ поступиться своею индивидуальностью, исполняя разумно и сознательно велѣнія воли надъ нимъ стоящей, то возможно широкое развитіе индивидуальности въ профессорѣ и ученомъ есть вѣрный залогъ движенія впередъ науки. А только эта послѣдняя и создаетъ тотъ нравственный авторитетъ профессора, въ силу котораго онъ пріобрѣтаетъ вліяніе надъ своими слушателями, не только благодаря сообщенію имъ результатовъ своихъ ученыхъ работъ, но и *своею личностью*. Оттого и университеты не могутъ быть разсматриваемы какъ „административныя мѣста“. Это учрежденія совершенно особаго рода, такъ какъ существуютъ они не только для выполненія тѣхъ или иныхъ житейскихъ практическихъ задачъ, а и для культивированія науки, для пріобщенія къ сокровищницѣ ея молодыхъ поколѣній, приходящихъ въ университеты для обогащенія себя знаніями для пользы всеобщей. Оттого между начинающимъ свою преподавательскую дѣятельность приватъ-доцентомъ и заслуженнымъ профессоромъ университета нельзя провести той разницы, которую легко и просто можно провести между столоначальникомъ и начальникомъ отдѣленія. Нерѣдко бываетъ, что начинающій свою преподавательскую дѣятельность приватъ-доцентъ въ *научномъ* отношеніи, въ отношеніи полноты развитія своего таланта и индивидуальности, стоитъ неизмѣримо выше заслуженнаго профессора, получившаго это званіе порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ. И тотъ, и другой дѣлаютъ одно и тоже дѣло въ университетѣ, но результаты дѣятельности того и другого могутъ оказаться совершенно несоизмѣримыми—и по своему научному значенію и вліянію на слушателей дѣйствительный статскій совѣтникъ легко можетъ оказаться значительно ниже неимѣющаго чина.

Опытъ всѣхъ культурныхъ странъ, какъ и нашего отечества, съ неоспоримою ясностью указываетъ, что единственно цѣлесообразной организаціей университетовъ нужно признать ту, въ основаніе которой положено коллегіальное устройство на началахъ автономіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить судьбу нашихъ русскихъ университетовъ. Въ жизни ихъ мы различаемъ 5 главныхъ моментовъ; 1) учрежденіе перваго изъ русскихъ университетовъ Московскаго въ 1755 году, 2) изданіе въ 1804 г. уставовъ для Московскаго и двухъ новыхъ университетовъ—Харьковскаго и Казанскаго, 3) изданіе въ 1835 г. общаго устава россійскихъ университетовъ и дополненій къ нему, введенныхъ въ концѣ 40-хъ годовъ, 4) замѣна его уставомъ 1863 г. и 5) введеніе устава 1884 г. Если исключить уставъ 1755 г., который вызванъ былъ спеціальными условіями 1-й русской высшей школы, которую нужно было обставить особыми льготами и преимуществами (университетъ, напримѣръ, былъ подчиненъ только Сенату), то всѣ остальные 4 устава, дѣйствовавшіе на протяженіи XIX вѣка, могутъ быть, по основному принципу, положенному въ ихъ организацію, подведены подъ двѣ категоріи: къ первой относятся уставы 1804 и 1863 годовъ, ко второй—уставъ 1884 гг.; первые были построены на началахъ коллегіальности и автономіи, послѣдній—бюрократизма и централизаціи. Уставъ 1835 г. стоитъ на рубежѣ между ними, но послѣдующія дополненія приблизили его къ бюрократическому, наименѣе удачному уставу 1884 г., который пытался механически соединить заимствованныя изъ германскихъ свободныхъ университетовъ формы съ чистымъ бюрократизмомъ. Неудивительно, что результаты, къ которымъ привелъ уставъ 1884 г. оказываются почти тождественными съ результатами устава 1835 г. и его дополненій. И тогда, какъ и теперь, жаловались, а) на паденіе научнаго

уровня членовъ профессорской коллегіи, в) на недостаточность развитія молодыхъ людей, поступавшихъ въ университеты изъ гимназій, и с) на устраненіе ученыхъ коллегій отъ сужденія и распоряженія по дѣламъ университетскимъ; не неся никакой отвѣтственности за внутреннее управленіе университетомъ, возложенное на попечителя, правленіе и инспекцію, университетскій совѣтъ пересталъ быть живымъ и дѣятельнымъ органомъ университетской жизни; и такимъ образомъ, по мѣткому выраженію Н. И. Пирогова, „динамическая жизнь университетовъ ослабѣла до чрезвычайности“ и понадобилось созданіе новаго устава 1863 года, который, къ сожалѣнію, далеко отступалъ отъ дезидератовъ, высказанныхъ университетами—между прочимъ не далъ никакой организаціи студентамъ—въ этомъ была его самая слабая сторона. И исторія университетовъ, взятыхъ въ отдѣльности, подтверждаетъ мысль, что время подъема ихъ совпадаетъ съ тѣми моментами, когда въ нихъ дѣйствовало начало автономіи. Правда, нѣкоторые факты *какъ бы* противорѣчатъ такому утвержденію: во 2-ю половину царствованія Императора Александра I дѣйствовалъ еще уставъ 1804 г., а между тѣмъ университеты переживали самый тяжкій періодъ своего упадка; но это потому, что фактически тогда уставъ былъ уже упраздненъ Магницкимъ и Руничемъ и это было время полнаго произвола этихъ лицъ и директора, замѣнившаго въ Казанскомъ университетѣ выборнаго ректора. Исторія Харьковскаго университета также является краснорѣчивымъ подтвержденіемъ высказанной мысли: и здѣсь университетское самоуправленіе фактически начало упраздняться съ 1817 года, съ назначенія на постъ попечителя З. Я. Карнѣева, продолжалось при его преемникахъ—Е. В. Карнѣевѣ, Перовскомъ и Филатьевѣ и это время является періодомъ самаго глубокаго упадка университета; наоборотъ, первые моменты автономной жизни Харьковскаго универ-

ситета (съ 1804 по 1814 годъ) являются золотымъ вѣкомъ въ его исторіи; точно также какъ и 60 и 70-е годы стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше 30—50-хъ годовъ.

И это понятно. Коллегіальное участіе профессоровъ необходимо во всѣхъ дѣлахъ, касающихся жизни университета. Только при такихъ условіяхъ можетъ овладѣть профессорами чувство преданности своему учрежденію, готовность подчинить его интересамъ свои личные интересы. Членъ коллегіи сознаетъ, что онъ раздѣляетъ со своими сочленами нравственную отвѣтственность за охраненіе достоинства учрежденія и это сознаніе оказываетъ вліяніе на образъ его дѣйствій; при коллегіальномъ началѣ возникаетъ общее мнѣніе коллегіи, которое сдерживаетъ индивидуальное проявленіе поступковъ, не соотвѣтствующихъ такому достоинству; когда преподаватели являются отдѣльными единицами, устанавливающими каждый для себя личный режимъ, общее направленіе дѣятельности университета не гарантировано; оно можетъ быть всегда парализовано поступками отдѣльныхъ лицъ; нѣтъ тѣхъ стимуловъ, которые вызываютъ преданность дѣлу и нравственную отвѣтственность за его положеніе. Однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій господства личнаго режима является необезпеченность университета въ пополненіи его учебнаго персонала свѣжими силами; наступаетъ общее ослабленіе его научной жизнедѣятельности; при немъ не могутъ сложиться тѣ добрыя традиціи, то сдерживающее начало, которое даетъ устойчивость университетской дѣятельности и заставляетъ педагогическій персоналъ его дорожить достоинствомъ учрежденія и относиться съ должнымъ вниманіемъ къ исполненію своихъ обязанностей. Нравственный авторитетъ университета и служитъ источникомъ его благотворнаго воспитательнаго вліянія; остальныя средства—внѣшняго характера. Успѣхъ же этого нравственнаго вліянія находится въ

зависимости отъ авторитетности педагогическаго персонала—высоты его научнаго уровня, независимости его научныхъ воззрѣній и преданности университетскому дѣлу и, наконецъ, возможно большей самостоятельсти, предоставленной ему правительствомъ, въ управленіи университетскими дѣлами. Лишеніе коллегіи права самопополненія есть прямое выраженіе къ ней недовѣрія; такъ это можетъ понимать и университетская молодежь, въ глазахъ которой личность профессора представляется дискредитированной, тѣмъ болѣе что дѣятельность его при этомъ окружена самой подробной регламентаціей. Такое положеніе исключаетъ возможность подъема нравственнаго авторитета профессоровъ среди студентовъ и воспитательнаго значенія общенія между ними. Противники коллегіальнаго начала обыкновенно ссылаются на борьбу партій, на непотизмъ, которыя вредятъ общимъ интересамъ и даже приводятъ къ застою. Но нужно отличать естественную законную борьбу партій, вызываемую принципіальною разницею взглядовъ, отъ той нежелательной партійности, въ основѣ которой лежатъ личные интересы и которая унижаетъ достоинство коллегіи, дѣлая ее орудіемъ мелкихъ интригъ и низкихъ происковъ. Первая не страшна коллегіи, коррективомъ же для второй является гласность, публичность, общественный и правительственный контроль. Впрочемъ такая мелкая и личная партійность характеризуетъ собою обыкновенно жизнь такой коллегіи, которая уже идетъ къ упадку, вырождается; въ русскихъ университетахъ она начинала господствовать тогда, когда на университетскую автономію начинали смотрѣть какъ на зло, когда ее терпѣли только потому, что она не была еще отмѣнена закономъ, но въ дѣйствительности являлась уже фикціей. Такъ было, напримѣръ, передъ введеніемъ нынѣшняго университетскаго устава. Тоже можетъ повториться и въ томъ случаѣ, если принципъ автономіи будетъ парализованъ

противоположнымъ ему началомъ бюрократическимъ, если-бы напримѣръ, при господствѣ выборнаго начала оставили назначаемаго ректора.

Здѣсь намъ нужно сказать нѣсколько словъ о размѣрахъ той автономіи, которую имѣетъ въ виду наша коммиссія. Подобно правительственной коммиссіи, создавшей уставъ 1863 года, наша коммиссія хотѣла-бы, чтобы университетамъ было дано *сильное* управленіе въ лицѣ цѣлой университетской коллегіи. Главное назначеніе университетовъ быть источникомъ просвѣщенія въ государствѣ, тою силою, которая всѣми признается важнѣйшимъ орудіемъ гражданственности. Но, чтобы университеты могли выполнять это назначеніе, необходимо, чтобы они могли дѣйствовать и развиваться только собственными своими силами и органами, по собственному побужденію, а не вслѣдствіе внѣшняго чуждаго вліянія. Такими силами и органами университета могутъ служить совѣтъ, правленіе, факультеты, ректоръ, профессора, судъ. Стоитъ только отнять у этихъ органовъ самодѣятельность—и они окаменѣютъ, сдѣлаются мертвыми, неподвижными и безполезными для дѣла. Это не значитъ, однако, что университеты должны сдѣлаться независимыми въ своихъ дѣйствіяхъ и образовать государство въ государствѣ. Наши университеты были и, вѣроятно, останутся надолго, если не навсегда, учрежденіями государственными, а не частными. Они были созданы правительствомъ для цѣлей государственныхъ; назначеніе ихъ, съ правительственной точки зрѣнія, состояло и состоитъ въ приготовленіи для государства способныхъ, просвѣщенныхъ наукою дѣятелей и вслѣдствіе того они получали и получаютъ свои средства и привиллегіи исключительно отъ правительства... Поэтому въ нашихъ университетахъ, какъ въ учрежденіяхъ государственныхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о полной безусловной независимости, они должны дѣйствовать въ

границахъ, которыя юридически опредѣлены для нихъ уставомъ, даннымъ Верховною властію, и въ дѣйствіяхъ своихъ подчиняться извѣстному правительственному контролю, т. е. отчетности, ревизіи и отвѣтственности по закону". Идея университетской автономіи нисколько не противорѣчитъ идеи государственной власти, какъ не противорѣчитъ этой послѣдней и идея земскаго или городскаго самоуправленія; и новый уставъ легко можетъ органически соединить ихъ другъ съ другомъ, предоставивъ университетамъ значительную долю самоуправленія и оставивъ за Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ необходимыхъ предѣлахъ власть утверждающую, разрѣшающую и контролирующую. Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы восходило къ Министерству только то, что дѣйствительно не можетъ быть въ окончательной формѣ рѣшено на мѣстѣ самими университетами, и чтобы не было ненужной регламентаціи, убивающей живую жизнь и самодѣятельность.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1-й ВОПРОСЪ.

Какъ должны быть поставлены должности ректора и деканов? Въ частности, какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію правительства и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ, избираемый профессорской коллегіей?

Отвѣтъ коммиссіи. *Въ основу всей университетской организаціи должно быть положено выборное начало: факультеты и совѣты должны выбирать профессоровъ и преподавателей, совѣты—ректоровъ, факультеты—деканов; нынѣшнее „двоевластіе“ въ университетахъ попечителя и ректора должно быть уничтожено.*

Мотивы. Прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какъ должны быть поставлены должности ректора и деканов и какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію Правительства, Коммиссія сочла необходимымъ остановиться на тѣсно связанномъ съ нимъ и чрезвычайно важномъ вопросѣ объ *избраніи профессоровъ*.

Уставъ 1884 г. имѣлъ въ виду ограничить, сколь возможно болѣе, вліяніе и независимость профессорской коллегіи, и *эта* цѣль была достигнута вполнѣ, но крайне дорогою цѣною—цѣною паденія престижа профессоровъ и университетовъ. Одна изъ необходимѣйшихъ реформъ въ университетскомъ строѣ, по мнѣнію коммиссіи, должна заключаться въ поднятіи научнаго и нравственнаго авторитета профессорской коллегіи. Средство для этого—возстановить *выборную систему*.

Прежде всего необходимо возвратить университетамъ право выбора профессоровъ, съ утвержденія Министра, ибо: 1) лишеніе этого права, принадлежавшаго имъ по прежнимъ уставамъ, начиная съ 1804 г., есть прямое выраженіе недовѣрія къ нимъ; 2) полученіе ученой степени само по себѣ еще не служитъ достаточной гарантіей учености и назначеніе на каѳедру какого либо лица только потому, что оно обладаетъ соотвѣтствующею степенью, врядъ-ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ; нужно оцѣнить научныя заслуги и преподавательскія способности кандидата, а въ этомъ наиболѣе компетентны ученыя, университетскія коллегіи; 3) если при выборной системѣ въ университетской коллегіи можетъ обнаружиться, какъ говорятъ, „кумовство“ и „непотизмъ“, то и система назначенія не устраняетъ борьбы и интригъ и, такъ какъ министръ не можетъ быть самъ компетентенъ въ опредѣленіи достоинствъ спеціалистовъ по всѣмъ каѳедрамъ, то она открываетъ широкій просторъ вліянію случайности и протекціи, иногда со стороны лицъ, ничего общаго съ наукой и университетомъ не имѣющихъ; 4) система назначенія принижаетъ авторитетъ и назначеннаго, и коллегіи. Личность профессора должна производить неотразимое вліяніе на несложившуюся еще духовную природу молодого человѣка: онъ долженъ видѣть въ профессорѣ „жреца“ истины и науки. Но обаяніе этой личности можетъ быть дѣйствительно только при правильно и свободно выраженномъ мнѣніи университета путемъ выбора. Профессоръ *назначенный*, хотя бы на самомъ дѣлѣ онъ являлся лицомъ вполнѣ достойнымъ, въ глазахъ общества и студентовъ всегда будетъ терять и не можетъ пользоваться такимъ престижемъ, какимъ пользуется избранный ученою коллегіею. Въ такомъ профессорѣ молодые люди видятъ не независимаго и убѣжденнаго представителя науки, а „чиновника“ (что и обнаружилось во время обструк-

ціи 1899 г. и недавнихъ волненій). Для нравственнаго вліянія необходимо довѣріе, а таковое между студентами и профессоромъ *назначеннымъ* едва-ли можетъ существовать.

Выбранный совѣтомъ профессоровъ и тѣмъ самимъ признанный ими въ качествѣ дѣйствительнаго ученаго, новый профессоръ сразу станетъ авторитетомъ въ глазахъ слушателей въ гораздо большей степени, чѣмъ назначенный, никому изъ состава совѣта невѣдомый и потому и неоцѣненный даже въ своемъ ученомъ качествѣ. Профессорскій персоналъ въ большинствѣ случаевъ пополнятся изъ молодыхъ, а при слабости нашихъ ученыхъ силъ, часто только еще начинающихъ свою ученою дѣятельность лицъ. Это не европейскіе ученые, имя которыхъ извѣстно всякому образованному человѣку, а скромные труженники, еще только пробивающіе дорогу къ извѣстности. Всякому, конечно, извѣстно, что полученіе ученой степени еще далеко не гарантируетъ дѣйствительной учености лица, ее получившаго, и потому назначеніе на постъ профессора лица за ученую степень врядъ ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. А такой способъ замѣщенія каѳедръ является единственно возможнымъ при назначеніи профессоровъ Министромъ. И врядъ ли можно спорить противъ утвержденія, что никто лучше самихъ ученыхъ не съумѣетъ оцѣнить пригодность того или иного лица къ занятію каѳедры, никто лучше ихъ не съумѣетъ произвести выборъ изъ числа лицъ, желающихъ занять ее.

Для большей гарантіи въ безпристрастіи, дабы парализовать вліяніе всякаго „кумовства“ и „непотизма“, по *единогласному* мнѣнію Коммиссіи, слѣдуетъ допустить *участіе совѣта въ дѣлѣ выбора профессоровъ* и подвергать кандидатовъ избранію не только въ факультетѣ, но и въ совѣтѣ. Послѣдній долженъ служить контролирующимъ началомъ, своего рода коррективомъ

по отношенію къ факультетамъ. Ибо въ сравнительно малочисленной коллегіи, какою является факультетъ, скорѣе возможно вліяніе добрыхъ или враждебныхъ отношеній между товарищами, личныхъ симпатій и антипатій. Въ совѣтѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, подобные мотивы не могутъ такъ вліять и больше данныхъ за то, что онъ будетъ относиться къ кандидатамъ съ надлежащимъ безпристрастіемъ. Возраженіе, будто въ такомъ случаѣ рѣшающій голосъ будетъ принадлежать не спеціалистамъ, членамъ другихъ факультетовъ, какъ составляющимъ большинство совѣта, въ значительной мѣрѣ теряетъ силу, въ виду того, что неспеціалисты будутъ основывать свое сужденіе на отзывахъ спеціалистовъ и въ качествѣ людей науки съумѣютъ разобраться среди нихъ, даже и тогда, когда будутъ противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же кандидатѣ; кромѣ того, нѣкоторые члены одного факультета иногда являются наиболѣе компетентными судьями относительно кандидата на каѳедру другого, такъ какъ есть немало каѳедръ, которыя, принадлежа къ разнымъ факультетамъ, между собою очень близки (напр. русская исторія на историко-филологическомъ факультетѣ и исторія русскаго права на юридическомъ, физіологическая химія на медицинскомъ и химія на физико-математическомъ и т. п.), тѣмъ болѣе, что при избраніи профессора дѣло идетъ обыкновенно не о деталяхъ, а о вопросахъ, болѣе или менѣе доступныхъ пониманію ученой коллегіи, безъ различія спеціальностей, и о научныхъ методологическихъ пріемахъ, обязательныхъ для всякаго спеціалиста, и можно вполнѣ надѣяться, что въ большинствѣ случаевъ члены совѣта съумѣютъ разобраться въ нихъ.

Но мнѣнія членовъ коммиссіи раздѣлились по вопросу объ *относительной роли* факультета и совѣта въ избраніи профессоровъ, т. е. *должны-ли подвергаться баллотированію въ совѣтѣ всѣ лица, подвергшіяся балло-*

тировкѣ въ факультетѣ и получившія тамъ хотя бы одинъ избирательный шаръ, или же только тѣ, кто получилъ въ факультетѣ большинство или, по крайней мѣрѣ, не менѣе трети избирательныхъ голосовъ. *Восемь* членовъ Коммиссіи высказались за первое рѣшеніе и *восемь*—за второе. Голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ первому мнѣнію. Члены, высказавшіеся въ пользу его, исходили главнымъ образомъ изъ тѣхъ-же соображеній, въ силу коихъ вообще считалось необходимымъ участіе совѣта въ избраніи профессоровъ, а именно: 1) баллотированіе въ совѣтѣ всѣхъ кандидатовъ, получившихъ хотя бы одинъ избирательный шаръ въ факультетѣ, представляетъ больше гарантій, что избранъ будетъ наиболѣе достойный, такъ какъ факультетъ скорѣе можетъ поддаваться пристрастію, въ немъ можетъ оказатья сплоченная группа, кладущая неизбирательный шаръ всѣмъ кандидатамъ, кромѣ своего, и нерѣдко даровитые люди могутъ не быть пропущены, какъ нежелательные конкурренты; 2) не смотря на существованіе факультетовъ, университетъ есть цѣлое; въ отдѣльныхъ факультетахъ есть близкія спеціальности и оцѣнка въ совѣтѣ можетъ быть произведена надлежащимъ образомъ и притомъ болѣе объективно; этимъ вовсе не умаляется значеніе факультета въ дѣлѣ выбора профессоровъ: факультетъ, представляя отзывъ о *всѣхъ* баллотировавшихся въ немъ кандидатахъ, тѣмъ самымъ владѣетъ средствомъ оказывать могущественное вліяніе на выборъ и *убѣдить* совѣтъ въ достоинствахъ своего кандидата; 3) факультеты часто страдаютъ малочисленностью своего состава и предоставить имъ болѣе значительную роль въ дѣлѣ избранія профессоровъ едва-ли цѣлесообразно; 4) профессоръ не только членъ факультета, но и совѣта, и на послѣднемъ лежитъ полная отвѣтственность за выборъ достойнаго кандидата; 5) наконецъ, только такимъ образомъ можетъ быть устранена возможность противорѣчія между оцѣнкою

достоинства кандидата и результатомъ баллотировки въ факультетѣ.

Члены коммиссіи, стоявшіе за предоставленіе факультетамъ болѣе видной роли въ дѣлѣ избранія профессоровъ, опирались 1) на то, что въ случаѣ баллотированія въ совѣтѣ всѣхъ кандидатовъ, получившихъ хотя бы одинъ избирательный шаръ, совѣтъ будетъ уже не только *коррективомъ* по отношенію къ факультету; въ такомъ случаѣ избраніе послѣднимъ кандидата низводится къ простой рекомендаціи; между тѣмъ 2) въ общемъ все же факультеты наиболѣе компетентны въ выборѣ достойнаго представителя каѳедры и хотя университеты и составляютъ нѣчто цѣлое—universitas, но все таки факультеты до нѣкоторой степени отдѣльныя школы; 3) члены же ихъ и наиболѣе заинтересованы въ избраніи новаго своего сочлена; 4) нельзя допустить, чтобы членъ факультета избирался какъ бы помимо факультета и ему, такъ сказать, навязывался совѣтомъ: это противорѣчило бы принципу коллегіальности; 5) при баллотированіи въ совѣтѣ всѣхъ кандидатовъ, получившихъ не меньше одного избирательнаго шара въ факультетѣ, возможны нежелательныя случайности: возможно, что будутъ проходить кандидаты, не вполнѣ или менѣе достойные, забаллотированные въ факультетѣ заслуженно, ибо многіе члены совѣта будутъ класть избирательный шаръ такимъ кандидатамъ, къ которымъ они относятся безразлично, держась принципа: „сомнѣніе въ пользу подсудимаго“. *)

Кандидаты на каѳедру предлагаются или 1) членами факультета, или 2) членами совѣта, причемъ предложеніе ихъ препровождается въ факультетъ; въ такомъ правѣ совѣта, по мнѣнію коммиссіи, не слѣ-

---

Примѣчаніе. Экстроординарные профессора, если эта категорія будетъ оставлена, по мнѣнію большинства коммиссіи (13 противъ 3), должны избираться въ ординарные только въ совѣтѣ, простымъ большинствомъ.

дуетъ усматривать выраженіе недовѣрія къ факультету, а только усиленіе шансовъ для избранія достойнаго представителя каѳедры. Если ни тотъ, ни другой способъ не приведутъ къ цѣли, то назначается *конкурсъ*.

Избранный совѣтомъ кандидатъ утверждается министромъ; такимъ образомъ, министру предоставляется право отвергать выборъ совѣта.

По *единогласному* мнѣнію коммиссіи, ректоръ долженъ быть старшиною совѣта, а деканы—старшинами факультетовъ; ректоръ и деканы должны быть *избираемы*, а не *назначаемы*, причемъ, по мнѣнію большинства коммиссіи (13 гол.) ректора слѣдуетъ избирать на 3 года, а декановъ на 2 (меньшинство, 3 гол., высказалось за болѣе продолжительный срокъ).

Ректоръ долженъ быть *избираемъ* профессорскою коллегіею, такъ какъ это 1) вытекаетъ изъ самого принципа коллегіальнаго самоуправленія, долженствующаго быть основою университетскаго устройства; 2) наиболѣе соотвѣтствуетъ *нормальнымъ* условіямъ университетской жизни и 3) согласуется съ историческою традиціею.

Разъ профессора будутъ выборные, необходимо, чтобы и *ректоръ*, *деканы* и *секретари* факультетовъ были тоже выборные.

Какая бы то ни была организація только тогда можетъ быть устойчивой, когда она представляетъ стройное развитіе одной основной идеи, проводимой въ жизнь. Поэтому, при введеніи въ университеты самоуправленія, съ выборнымъ началомъ, назначеніе, а не выборъ ректора, противорѣчило бы основному принципу и на практикѣ повело бы къ недоразумѣніямъ, могущимъ дурно отражаться на ходѣ университетской жизни. Университетъ — не „административное мѣсто“. Здѣсь все должно быть основано на внутреннемъ, или нравственномъ авторитетѣ, а не на внѣшнемъ, или административномъ. Совпаденіе

этихъ авторитетовъ, если и бываетъ, то рѣдко. Особеннымъ свойствомъ понижать другой авторитетъ обладаетъ именно авторитетъ административный, который, въ примѣненіи къ университетамъ, уже, кажется, въ достаточной степени и притомъ неоднократно показалъ свою несостоятельность.

Самый талантливый чиновникъ, поставленный во главѣ университета даже въ гораздо болѣе независимое положеніе отъ попечителя, чѣмъ ректоръ по уставу 1884 года, не будетъ имѣть нравственнаго авторитета ни среди профессоровъ, ни среди студентовъ, ибо чиновникъ этотъ, хотя и назначенный изъ ординарныхъ профессоровъ, всегда будетъ представителемъ не университета, а власти, надъ нимъ стоящей, будетъ выразителемъ и ходатаемъ не нуждъ университета, а исполнителемъ воли начальства, не заботящимся о томъ, по скольку воля эта совпадаетъ съ вѣчно-измѣняющимися—потому что онѣ живыя—нуждами университета.

Ректоръ *назначенный* въ глазахъ общества, профессоровъ и студентовъ явится не лучшимъ и наиболѣе авторитетнымъ представителемъ науки и ученой, профессорской коллегіи, а *„начальствомъ“*, *„чиновникомъ“*. Онъ будетъ лицомъ какъ-бы чуждымъ остальному профессорскому персоналу; естественнымъ результатомъ явятся коллизіи между нимъ и остальною коллегіею. Въ университетскомъ строѣ и жизни не будетъ необходимаго единства; а наоборотъ разладъ и антагонизмъ. Назначенный ректоръ не можетъ имѣть той нравственной опоры въ неизбиравшей его профессорской коллегіи, которая необходима для надлежащаго вліянія на студентовъ, и вообще лишенъ будетъ высокаго нравственнаго престижа. Онъ будетъ занимать изолированное положеніе и, слѣдовательно, явится безсильнымъ или же будетъ оказывать такое давленіе на коллегію, которое совершенно несовмѣстимо съ принципомъ университетскаго самоуправленія.

Только выборный ректоръ можетъ быть представителемъ живой и сильной коллегіи. Назначеніе ректора въ корнѣ подорветъ университетское самоуправленіе, тогда нужно будетъ назначать и деканов и профессоров и вообще оставить безъ измѣненія нынѣшній строй или еще болѣе усилить въ немъ бюрократическое начало.

Наконецъ, правительство имѣетъ назначенное имъ лицо, облеченное контролирующею властью, въ особѣ попечителя округа: его обязанности и власть по отношенію къ университету въ сущности почти совпадаютъ съ обязанностями и властью назначеннаго ректора.

Двухъ лицъ, облеченныхъ аналогичною властью, нѣтъ надобности имѣть, и при попечителѣ учебнаго округа ректоръ *назначенный* является лишнимъ.

Почти то-же, mutatis mutandis, слѣдуетъ сказать и о системѣ назначенія декановъ.

Система *избранія* не только вытекаетъ изъ самаго принципа коллегіальнаго самоуправленія, какъ необходимой основы университетскаго строя, не только наиболѣе соотвѣтствуетъ нуждамъ и интересамъ университета, какъ учено-просвѣтительнаго учрежденія, но и соотвѣтствуетъ нашей *исторической традиціи*, нашей старинѣ. Это — не ломка и новшество, а напротивъ,— лишь возвращеніе къ прежнему, нѣкогда существовавшему порядку, къ тому, что̀ признавалось возможнымъ и полезнымъ и что̀ было въ дѣйствительности еще при Александрѣ I и даже при Николаѣ Павловичѣ, вообще въ теченіе большей части XIX в. По уставу 1804 г. занятіе каѳедръ должно было происходить по выбору факультета и совѣта; ректоръ и деканы были тоже выборные. Такъ было и по уставу 1835 г. Лишь послѣ 1848 г., въ періодъ усилившейся реакціи, должность ректора стала замѣщаться по назначенію; но и тогда за университетами было оставлено право избирать декановъ и профессоровъ. Объ уставѣ 1863 г. нечего и напоминать. Такимъ образомъ, дѣйствующій уставъ 1884 г.

пошелъ въ разрѣзъ съ прошлымъ и историческою традиціею и явился скорѣе нарушеніемъ и ломкой, нежели дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, господствовавшихъ раньше. Назначеніе ректора и деканов первоначально предполагалось лишь въ видѣ временной мѣры и поводомъ ко введенію этой системы послужили опасенія возможности глухой оппозиціи уставу со стороны университетскихъ коллегій. Это—результатъ того недовѣрія къ послѣднимъ, которымъ проникнутъ весь уставъ 1884 г. Насколько однако подобныя опасенія и недовѣріе были малоосновательны, показываетъ хотя бы то, что въ числѣ *выборныхъ* ректоровъ, напр., въ Москвѣ мы видимъ русскаго историка С. М. Соловьева и *Н. П. Боголѣпова*, впослѣдствіи призваннаго на постъ попечителя округа и министра, равно какъ и то обстоятельство, что само же министерство при введеніи устава 1884 г. *назначило* ректорами и деканами почти всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя занимали передъ тѣмъ эти должности по *избранію*.

Въ заключеніе, говоря о ректорѣ, мы не можемъ не коснуться вопроса объ отношеніи его власти ко власти попечителя округа. Это отношеніе, по уставу 1884 года, является ненормальнымъ, ибо ослабляетъ значеніе ректора и создаетъ ненужное „двоевластіе“.

Попечитель назначается на свою должность Высочайшею властію по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія. Принадлежность попечителя къ ученому сословію не предполагается законодательствомъ, хотя, какъ извѣстно, практика знаетъ попечителей изъ лицъ, обладающихъ учеными степенями, бывшихъ профессоровъ. Но это практика—а не требованіе закона. Ректоръ избирается Министромъ Народнаго Просвѣщенія изъ ординарныхъ профессоровъ и назначается Высочайшимъ приказомъ на четыре года, по истеченіи которыхъ онъ можетъ быть, съ Высочайшаго соизволенія, оставленъ въ той же должности на слѣдующее четырехлѣтіе. Фактически ректора избираетъ однако не министръ, а попечи-

тель округа, ибо въ силу самаго положенія вещей Министръ Народнаго Просвѣщенія только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ настолько знакомъ съ личнымъ составомъ профессоровъ университета, чтобы имѣть возможность сдѣлать этотъ выборъ непосредственно. Уже этимъ обстоятельствомъ самостоятельное и независимое отъ попечителя округа положеніе ректора въ значительной мѣрѣ умаляется, но ближайшее сопоставленіе статей устава, трактующихъ о власти попечителя и власти ректора даетъ возможность утверждать, что въ дѣйствительности отъ этой самостоятельности остается только тѣнь ея. Выписываемъ въ краткомъ извлеченіи тѣ статьи устава 1884 года, которыя характеризуютъ обѣ эти власти.

Попечитель:

Ст. 4. Каждый университетъ... ввѣряется *начальству* попечителя округа.

Ст. 6. Попечитель заботится о благосостояніи университета, наблюдаетъ за ходомъ университетскаго преподаванія и за точнымъ исполненіемъ всѣми принадлежащими университету установленіями и должностными лицами правилъ, предписанныхъ закономъ, или распоряженіями правительства; пресѣкаетъ всякое уклоненіе отъ сихъ правилъ; возбуждаетъ дѣло объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуетъ о награжденіи достойныхъ.

Ректоръ:

Ст. 5. Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ (при участіи коллегіи).

Ст. 13. Ректоръ.. наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ учебной части въ университетѣ и за полнотою преподаванія въ немъ, за надлежащимъ исполненіемъ всѣми служащими въ университетѣ и служащими при немъ лицами обязанностей.

Ст. 14. Должностнымъ лицамъ, служащимъ по учебной и дисциплинарной части, ректоръ имѣетъ право дѣлать указанія, напоминанія и замѣчанія.

Ст. 7. Попечитель имѣетъ право по усмотрѣнной имъ надобности созвать совѣтъ, правленіе и собраніе факультетовъ, а также присутствовать въ засѣданіяхъ сихъ установленій.

Ст. 8. На попечителѣ лежитъ обязанность высшаго руководительства во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины университета. Онъ имѣетъ право въ разъясненіе и для обезпеченія точнаго исполненія правилъ, изданныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, давать ректору обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами и требовать донесеній о его собственныхъ распоряженіяхъ въ этомъ отношеніи. Въ случаяхъ черезвычайныхъ попечитель принимаетъ всѣ необходимыя для охраненія порядка мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть, доводя о сдѣланныхъ на этомъ основаніи распоряженіяхъ и о причинахъ ихъ вызвавшихъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія.

Ст. 19. Ему принадлежитъ право ходатайствовать о награжденіи непосредственно подчиненныхъ ему лицъ и предварительно представленія къ наградамъ всѣхъ остальныхъ служащихъ въ университетѣ... требуется отзывъ о нихъ ректора.

Ст. 16. Ректоръ.. назначаетъ и открываетъ засѣданія совѣта и правленія... Въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности имѣетъ право предсѣдательствовать въ собраніяхъ факультетовъ.

Ст. 17... Въ черезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ *ректору* предоставляется принимать всѣ необходимыя мѣры для поддержанія порядка и спокойствія въ университетѣ, хотя-бы мѣры сіи превышали предоставленную ему власть. О всѣхъ сдѣланныхъ на этомъ основаніи распоряженіяхъ и побудительныхъ къ нимъ причинахъ ректоръ немедленно доноситъ попечителю, равно какъ сообщаетъ совѣту и правленію университета.

Если мы добавимъ къ сказанному, что по 9 § устава всѣ сношенія Министра Народнаго Просвѣщенія съ университетомъ и представленія послѣдняго въ Министерство происходитъ только черезъ попечителя, а также и то постановленіе, что „дѣла, превышающія власть университетскихъ постановленій попечитель или разрѣшаетъ самъ, если они не выходятъ за предѣлы предоставленной ему власти, или, въ противномъ случаѣ, представляетъ на разрѣшеніе Министра Народнаго Просвѣщенія вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ (ст. 7), то станетъ понятнымъ, что уставъ 1884 года низвелъ значеніе ректора въ университетѣ какъ бы до роли чиновника особыхъ порученій при попечителѣ учебнаго округа.

По самому положенію своему въ качествѣ мѣстнаго представителя власти министра въ учебномъ округѣ, попечитель, указанными выше постановленіями становится не попечителемъ, въ смыслѣ куратора, заботящагося лишь о благосостояніи университета, какъ то сказано въ ст. 6 устава, а полновластнымъ начальникомъ его. Ректоръ, при такомъ положеніи власти попечителя и при указанномъ выше способѣ назначенія его, является представителемъ не коллегіи профессоровъ, не ходатаемъ передъ высшимъ начальствомъ о вѣчно измѣняющихся нуждахъ университета, а поставленной надъ университетомъ воли высшаго начальства. Если двѣ власти, высшая и низшая, обладаютъ какъ то мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, одинаковыми или почти одинаковыми полномочіями, то власть низшая можетъ быть авторитетной въ глазахъ персонала служащихъ лишь по стольку, по скольку она является представительницею ихъ нуждъ и интересовъ, не только личныхъ, но и служебныхъ въ такихъ же учрежденіяхъ, какъ университеты, и ученыхъ. А ректоръ, назначенный по представленію попечителя округа и вполнѣ отъ него зависящій, не можетъ служить авторитетомъ въ

глазахъ профессоровъ, потому что вся власть его парализуется властью попечителя, къ которому поэтому и обращаются всѣ взоры. Нопослѣдній—не ученый, а представитель административной власти, и въ качествѣ такового смотритъ на профессорскій персоналъ, какъ на подчиненныхъ ему чиновниковъ соотвѣтственнаго класса должности и чина. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ попечитель округа, въ силу своего служебнаго положенія и многочисленныхъ занятій не можетъ имѣть личныхъ сношеній съ преподавательскимъ персоналомъ, не знаетъ его, а потому и не обращается къ нему даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось бы, это было совершенно необходимо. Столь же не авторитетна власть ректора вслѣдствіе этого и въ глазахъ студентовъ. У послѣднихъ складывается мнѣніе, что ректоръ есть не лучшій и наиболѣе уважаемый представитель профессорской коллегіи и науки, а чиновникъ, находящійся въ такихъ же отношеніяхъ къ попечителю округа, какъ и хорошо извѣстный имъ по ежедневнымъ сношеніямъ инспекторъ.

Будучи въ отношеніи къ попечителю зависимымъ отъ него чиновникомъ, ректоръ въ тоже самое время смѣло можетъ расширять свою власть на счетъ университетской коллегіи, которая его не выбираетъ и отдѣльные члены которой отъ него во многомъ зависятъ. За время дѣйствія устава 1884 года студенческія волненія не одинъ разъ прерывали спокойное теченіе учебныхъ занятій и не разъ наступали „черезвычайныя обстоятельства“, ради которыхъ принимались особыя мѣры. По 17 § устава ректоръ обязанъ доводить о мѣрахъ этихъ, равно какъ о причинахъ, ихъ вызвавшихъ, между прочимъ и до свѣдѣнія совѣта университета. Но въ дѣйствительности этого никогда не дѣлалось. И попечитель округа, при наступленіи такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, не обращался къ чуждой и неизвѣстной ему коллегіи, хотя, по закону, онъ имѣетъ

право, „по усмотрѣнной имъ надобности созвать совѣтъ“ (ст. 7). Такъ мало по малу выкапывался глубокій ровъ между ректоромъ, профессорами и студентами. На тѣхъ профессоровъ, которые не могли оставаться равнодушными къ происходившимъ въ стѣнахъ университета тревожнымъ событіямъ, университетское начальство смотрѣло какъ на лицъ, вмѣшивающихся не въ свое дѣло, бывали даже случаи и болѣе рѣзкаго воздѣйствія на нихъ.

Признавъ единогласно ненормальнымъ нынѣшнія отношенія власти попечителя округа къ университетамъ, коммиссія поставила на баллотировку вопросъ о полномъ устраненіи попечителей отъ университетскихъ дѣлъ и предоставленіи всѣхъ сношеній университетовъ съ министерствомъ выбраннымъ ректорамъ. Такая постановка вопроса, конечно, отнюдь не уничтожаетъ правительственной власти надъ университетами, а только *сосредочиваетъ* ее въ рукахъ одной центральной власти—Министерства Народнаго Просвѣщенія—устраняя при этомъ мѣстный органъ этой власти, который, во 1-хъ, былъ постояннымъ *посредникомъ* въ сношеніяхъ университетовъ съ министерствомъ, а во 2-хъ, правительственнымъ органомъ, отчасти *контролирующимъ* ихъ дѣятельность, отчасти дававшимъ о *ней свои заключенія* и отчасти, наконецъ, самостоятельно *разрѣшавшимъ* нѣкоторые вопросы. Меньшинство, высказавшееся въ пользу такого рѣшенія вопроса (3 члена коммиссіи) полагало, что удобнѣе было бы совершенно освободить попечителей отъ участія въ дѣлѣ управленія университетами и подчинить эти послѣдніе непосредственно Министерству Народнаго Просвѣщенія. Но большинство членовъ коммиссіи (9 душъ) склонилось къ среднему мнѣнію, а именно — *чтобы попечитель не былъ, какъ нынѣ непосредственнымъ начальникомъ университета и не вмѣшивался во все теченіе университетской жизни, а имѣлъ общій надзоръ за*

исполненіемъ устава и окончательно утверждалъ только тѣ постановленія органовъ университетской власти, которыя ему будетъ предоставлены уставомъ ради скорѣйшаго ихъ рѣшенія и приведенія въ исполненіе. Слѣдовательно, за нимъ должно остаться только то, что не предоставлено компетенціи университета и что не на столько важно, что-бы его переносить въ министерство; при этомъ 9-й § нынѣшняго устава желательно отмѣнить и *совѣту университета предоставить право непосредственнаго обращенія черезъ ректора къ Министру Народнаго Просвѣщенія по тѣмъ изъ указанныхъ въ уставѣ вопросамъ, окончательное разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ министерству, равно какъ и по тѣмъ, кои касаются общихъ пользъ и нуждъ университета или вызываютъ необходимость измѣненія тѣхъ или иныхъ параграфовъ самого устава. Попечитель округа, не признавъ законнымъ то или иное постановленіе совѣта, сообщаетъ объ этомъ послѣднему, который съ своей стороны представляетъ необходимое объясненіе. Окончательное же разрѣшеніе спорнаго вопроса можетъ производиться общимъ порядкомъ, въ законахъ на подобные случаи установленнымъ.*

2-й ВОПРОСЪ.

Какія измѣненія желательны въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ, правленія и совѣта?

Отвѣтъ коммиссіи. *Желательно усиленіе власти совѣта, поднятіе научнаго значенія факультетовъ и раздѣленіе функцій правленія между двумя новыми учрежденіями, которыя его могутъ замѣнить, — коллегіей деканов и хозяйственнымъ комитетомъ.* Это раздѣленіе было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ въ коммиссіи (11 противъ 3) и функціи новыхъ учрежденій, долженствующихъ замѣнить правленіе, были опредѣлены такъ: а) коллегія деканов подъ предсѣдательствомъ ректора и съ участіемъ проректора по студенческимъ дѣламъ обсуждаетъ, подготовляетъ и рѣшаетъ научныя, студенческія и обще-университетскія дѣла, находившіяся до сихъ поръ въ вѣдѣніи правленія; б) хозяйственный комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ ректора изъ 4 профессоровъ, избираемыхъ совѣтомъ по одному отъ каждаго факультета, вѣдаетъ хозяйственныя дѣла университета.

Мотивы. Возстановляя выборное начало и желая, чтобы при немъ существовало единство власти, необходимо сдѣлать совѣтъ средоточіемъ внутренняго университетскаго управленія, высшею его инстанціей, дѣйствительною реальною властью, которой должны подчиняться другіе органы университетскаго управленія: правленіе, поставленное уставомъ 1884 г. и практикой по важнѣйшимъ его функціямъ финансовой администраціи и въ отношеніи учащихся въ совершенно независимое положеніе, факультетскія собранія, университетскій судъ

и проректоръ. Вотъ что говорила по этому поводу Министерская Коммиссія, создавшая уставъ 1863 года.

Каждому изъ этихъ органовъ предоставлена извѣстная инціатива и извѣстная доля власти; но всѣ ихъ дѣйствія подлежатъ или утвержденію или контролю совѣта. Особенное отношеніе къ совѣту имѣетъ ректоръ, какъ представитель университета. Дѣйствуя подъ контролемъ совѣта и обязанный сообщать ему о своихъ распоряженіяхъ, онъ пользуется, однако, значительною властію, предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и правленіи, входитъ съ представленіями къ попечителю округа, сносится съ посторонними вѣдомствами и лицами отъ имени университета, рѣшаетъ, на основаніи особыхъ правилъ, пріемъ и увольненіе студентовъ и слушателей, кромѣ случаевъ увольненія за проступки, рѣшаемыхъ по суду, разрѣшаетъ переходъ студентовъ изъ одного факультета въ другой, имѣетъ главное начальство надъ канцеляріею университета, дѣлаетъ выговоры служащимъ за нерадѣніе. Но при всѣхъ этихъ полномочіяхъ, необходимыхъ ректору, какъ представителю университета, и требуемыхъ неизбѣжно для безостановочнаго и правильнаго теченія дѣлъ, онъ принадлежитъ къ ученому сословію университета, и выбирается совѣтомъ изъ профессоровъ на опредѣленный четырехлѣтній срокъ. Эти два условія, связывая его неразрывно съ ученою корпораціею университета, дѣлаютъ его лицомъ, близкимъ къ университету, пользующимся его особымъ довѣріемъ и уваженіемъ, и во имя этого довѣрія и уваженія поставленнымъ самою корпораціею во главѣ университетскаго управленія.

Подчинить вѣдѣнію и контролю совѣта всѣ органы университетскаго управленія, въ томъ числѣ и ректора, и возложить чрезъ то на совѣтъ отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ за всѣ дѣйствія по университету, полезно по слѣдующимъ соображеніямъ.

а) Въ каждомъ учрежденіи важно сохранить единство дѣйствія, и слѣдовательно необходимо для этой цѣли сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ, или лицѣ.

б) Одноличное управленіе не могло бы рѣшительно достигнуть своей цѣли въ университетѣ, какъ установленіи, имѣющемъ цѣлію — распространеніе науки, требующее совокупныхъ усилій многихъ ученыхъ. Сила университета именно и заключается въ томъ, что въ совѣтѣ его обсуждаются и рѣшаются дѣла соединеніемъ ученыхъ спеціалистовъ по многоразличнымъ отраслямъ наукъ, и потому такое рѣшеніе не можетъ быть одностороннимъ.

в) Для нравственнаго авторитета университета, въ глазахъ слушателей, чрезвычайно важно, чтобы всѣ важнѣйшія распоряженія университета исходили и утверждались цѣлою корпораціею профессоровъ, которая только одна во всей своей совокупности можетъ имѣть неотразимое нравственное вліяніе на массу учащихся и, въ случаѣ крайнихъ увлеченій послѣдней, съумѣетъ поставить имъ достаточно сильную преграду.

г) Совѣтъ университета, чтобы имѣть возможность достигать всѣхъ этихъ цѣлей, долженъ пользоваться уваженіемъ и довѣріемъ высшаго начальства, выражающимися въ предоставленіи ему самостоятельности. Иначе, совѣтъ является или чѣмъ то постороннимъ, или руками чужой воли: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не можетъ служить опорою начальству, и нисколько не увеличиваетъ его силы, но только затрудняетъ способы его дѣйствія. Короче, вопросъ о самостоятельности совѣта совершенно равняется вопросу: желаетъ-ли правительство, или не желаетъ имѣть въ совѣтѣ дѣйствительную силу, способную къ сохраненію порядка въ университетѣ? Если оно желаетъ имѣть такую силу, въ такомъ случаѣ отнять у совѣта самостоятельность значило бы имѣть въ совѣтѣ собраніе людей,

совершенно равнодушныхъ къ университетскимъ дѣламъ, способныхъ на однѣ мелкія личныя интриги, соперничествующихъ другъ передъ другомъ о расположеніи власти, поставленной надъ ними, и внутренне къ ней не расположенныхъ. Все это можетъ послужить только къ ущербу университетовъ и не въ пользу самого правительства. Самостоятельный университетъ можетъ сдѣлаться тѣмъ, что онъ есть и чѣмъ должны его сдѣлать люди, пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ, для которыхъ репутація университета есть ихъ личное дѣло; съ другой стороны, и правительство въ первый разъ получитъ предметъ для наблюденія, потому что университетъ будетъ жить среди бѣлаго дня, а не въ запертой канцеляріи попечителя округа.

Обыкновенныя возраженія, приводимыя противъ такой власти совѣта,—что послѣдній, при этихъ условіяхъ, можетъ превратиться въ замкнутую корпорацію, самодовольную и самоуправною, или, что еще хуже, равнодушную ко всѣмъ дѣламъ университета и занятую однѣми мелкими интригами,—едва ли имѣютъ достаточное основаніе. Самодовольство и самоуправство совѣта не могутъ имѣть мѣста, если совѣтъ обязанъ будетъ отчетностію предъ высшимъ начальствомъ и предъ обществомъ—представленіемъ отчетовъ о своихъ дѣйствіяхъ и печатаніемъ протоколовъ своихъ засѣданій. Отчетность и гласность – лучшія лекарства противъ подобныхъ злоупотребленій. При возложеніи отвѣтственности на совѣтъ и возвышеніи его авторитета, исчезнетъ и замѣчаемое нынѣ равнодушіе къ дѣламъ въ членахъ его,—равнодушіе совершенно естественное, при теперешнемъ, вполнѣ ничтожномъ значеніи совѣта; ослабѣютъ и взаимныя интриги членовъ, всегда являющіяся при такомъ коллегіальномъ устройствѣ, которое ложно ставитъ всѣхъ въ подчиненіе одному лицу.

Такимъ образомъ, совѣтъ долженъ быть высшею инстанціей и въ дѣлахъ учено-учебныхъ, сосредото-

ченныхъ въ факультетахъ, и въ дѣлахъ, касающихся матеріальныхъ нуждъ университета и вѣдаемыхъ правленіемъ, и въ дѣлахъ судебно-административныхъ, вѣдаемыхъ нынѣ тѣмъ же правленіемъ. Нельзя отнять у совѣта права распоряженія его финансами, особенно же его спеціальными средствами, потому что только совѣтъ in pleno можетъ судить настоящимъ образомъ о сравнительныхъ нуждахъ всѣхъ учебновспомогательныхъ учрежденій университета и о постепенномъ и справедливомъ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ какъ текущихъ, такъ и назрѣвающихъ.

Нынѣшнія функціи правленія нельзя признать нормальными: уставъ 1884 г. возложилъ на него такія обязанности, для удачнаго исполненія коихъ у него нѣтъ силъ. Можно сказать, что руководящее центральное значеніе перешло по уставу 1884 г. отъ совѣта къ правленію. А между тѣмъ составъ его остался тотъ же, что былъ раньше при уставѣ 1863 г. за исключеніемъ того, что къ ректору и деканамъ былъ прибавленъ еще инспекторъ съ правомъ рѣшающаго голоса *по всѣмъ вопросамъ*. Едвали однако нужно доказывать, что это участіе инспектора во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ университетскаго управленія представляетъ явную аномалію; деканы въ правленіи являются представителями факультетовъ — ихъ матеріальныхъ и учебнообразовательныхъ интересовъ; ихъ участіе въ дѣлахъ правленія понятно и законно, какъ наиболѣе заслуженныхъ и достойныхъ представителей профессуры, удовлетворяющихъ учебно-образовательному, служебному цензу. Но инспекторъ такого ценза не имѣетъ, не имѣетъ также компетенціи въ дѣлахъ, касающихся учебновспомогательныхъ учрежденій, да и вообще въ финансовыхъ вопросахъ правленія, потому что эти послѣднія самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ учеными и учебными. Онъ заинтересованъ только вопросомъ объ учащихся и то далеко не во всѣхъ отношеніяхъ, а только относи-

тельно ихъ поведенія. Такимъ образомъ, многотрудныя обязанности въ правленіи могутъ нести ректоръ и 4 члена его. Для того же, чтобы этотъ трудъ не былъ чрезмѣренъ и обременителенъ, необходимо освободить правленіе отъ тѣхъ *новыхъ* обязанностей, которыя наложены были на него уставомъ 1884 года и мѣшаютъ его прямымъ задачамъ—прежде всего слѣдуетъ выдѣлить судъ надъ студентами, затѣмъ сдѣлать правленіе *исполнительнымъ* органомъ совѣта въ распредѣленіи спеціальныхъ средствъ университета: проэктъ смѣты долженъ составляться правленіемъ, всѣ статьи его безъ исключенія фактически, а не номинально, какъ это было доселѣ, разсматриваться и утверждаться совѣтомъ и, затѣмъ передаваться правленію, которое безъ разрѣшенія совѣта не можетъ давать назначенія спеціальнымъ средствамъ и остаткамъ отъ штатнаго назначенія. Однимъ словомъ давать назначенія спеціальнымъ средствамъ долженъ совѣтъ, а тратить ихъ, сообразно его указаніямъ, правленіе. Только тогда, когда этотъ пунктъ получитъ совершенно ясную редакцію въ уставѣ, исчезнутъ столь частыя нынѣ коллизіи между совѣтомъ и правленіемъ на этой почвѣ. И по уставу 1884 года совѣту принадлежитъ „разсмотрѣніе составленнаго правленіемъ росписанія доходовъ и расходовъ по университету“, но только разсмотрѣніе, а не утвержденіе. За совѣтомъ повидимому оставалось право разсматривать *всѣ* статьи прихода и расхода спеціальныхъ средствъ. Однако всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что ему докладывались не всѣ статьи прихода и расхода; ускользала отъ фактическаго разсмотрѣнія въ совѣтѣ и статья на непредвидѣнные расходы, составлявшая видную часть смѣты спеціальныхъ

средствъ университета. Нельзя также не признать аномаліей и того, что правленіе, безъ обсужденія дѣла въ факультетѣ, распредѣляло университетскія помѣщенія подъ учебно-вспогательныя установленія, возводило, между прочимъ и на спеціальныя средства университета, новыя и т. п. Для устраненія всего этого необходимо предоставить совѣту не только разсмотрѣніе, но, какъ то было по уставу 1863 г., и *окончательное утвержденіе* приходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ и *отчетъ объ израсходованіи ихъ*. Возражаютъ иногда, что совѣту не пристало заниматься финансовыми дѣлами; но въ основѣ этого возраженія лежитъ недоразумѣніе: совѣтъ, конечно, не долженъ вести финансово-хозяйственныхъ дѣлъ, входить въ договоры съ подрядчиками, слѣдить за сохранностью суммъ и т. п. — все это должно остаться въ вѣдѣніи правленія. Но онъ одинъ только вполнѣ компетентенъ въ рѣшеніи вопроса о наиболѣе цѣлесообразномъ израсходованіи принадлежащихъ ему спеціальныхъ средствъ; ибо онъ одинъ своимъ авторитетомъ можетъ примирить, путемъ гласнаго обсужденія въ присутствіи всѣхъ, разнообразные интересы. И такъ, правленіе должно играть роль хозяйственно-распорядительнаго органа. Его и слѣдовало бы переименовать въ *хозяйственный комитетъ*, съ тѣмъ чтобы въ составъ его входили не деканы, а особые члены, избранные по одному отъ каждаго факультета. При выборѣ въ деканы профессоровъ главнымъ образомъ обращается вниманіе на ихъ ученыя заслуги и нравственный авторитетъ; для успѣшнаго же завѣдыванія хозяйственною частью требуются иного рода способности и знанія, которыя не всегда соединяются съ первыми, а

потому нельзя не признать цѣлесообразнымъ освобожденіе декановъ отъ присутствія въ хозяйственномъ комитетѣ. Что же касается декановъ, то они, подъ предсѣдательствомъ ректора, должны составить особую *коллегію деканов*, къ которой отойдутъ всѣ прежнія функціи правленія, кромѣ хозяйственныхъ. Тогда дѣятельность правленія, раздѣленная между двумя учрежденіями, несомнѣнно сдѣлается успѣшнѣе: хозяйственная часть, которая будетъ находиться въ рукахъ опытныхъ, искусныхъ и любящихъ это дѣло лицъ, подъ прямымъ непосредственнымъ руководствомъ ректора и контролемъ совѣта, будетъ вестись хорошо и не вызывать тѣхъ нареканій, которыя слышатся нынѣ. Коллегія декановъ будетъ имѣть возможность сосредоточить свое вниманіе на тѣхъ дѣлахъ, которыя особенно нуждаются въ ихъ ученой опытности и нравственномъ авторитетѣ—студенческихъ и ученыхъ, ректоръ же получитъ въ лицѣ ея членовъ своихъ совѣтниковъ и помощниковъ. Деканы, освободившись отъ тягостной для нихъ повинности тратить большую часть своего должностнаго времени на хозяйственныя дѣла, будутъ имѣть тогда возможность въ большей степени посвятить себя факультетамъ, которыя при самоуправленіи оживятся и несомнѣнно потребуютъ болѣе энергичнаго руководительства съ ихъ стороны. Теперь же на такое руководительство, особенно на многолюдныхъ факультетахъ, у нихъ, при обременительныхъ занятіяхъ въ правленіи, не хватаетъ ни времени, ни силъ. Тогда можно будетъ ожидать отъ факультетовъ не только текущей, но и творческой, такъ сказать, дѣятельности, вызываемой постояннымъ ростомъ науки и расширеніемъ ея потребностей съ одной стороны и запросами учащейся молодежи съ другой. Для установленія общенія между профессорами и студентами, необходимо поднять дѣятельность факультетовъ потому, что общеніе между учащими и учащимися пред-

полагаетъ не только работу отдѣльныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, а можетъ быть, даже и преимущественно, дѣятельность всей коллегіи, т. е. факультетовъ. Деканы отъ устраненія въ дѣлахъ хозяйственнаго комитета не потеряютъ своего значенія во 1-хъ потому, что и будущій комитетъ не будетъ такимъ властнымъ органомъ, какъ нынѣшнее правленіе, во 2-хъ потому, что они составятъ новый органъ управленія—коллегію деканов̀ъ, и въ 3-хъ потому, что ихъ престижъ поднимется въ факультетѣ и совѣтѣ и при томъ въ направленіи, наиболѣе соотвѣтствующемъ ихъ дѣйствительнымъ интересамъ;—каждый изъ нихъ будетъ въ своемъ факультетѣ тѣмъ, чѣмъ rector magnificus въ совѣтѣ.

Факультетамъ должно быть предоставлено болѣе иниціативы и простора, особенно въ ученой и учебной сферахъ дѣятельности. Такъ, напримѣръ, ихъ компетенціи нужно предоставить всѣ вопросы, связанные съ программами, распредѣленіемъ предметовъ, дѣятельностью научныхъ студенческихъ кружковъ и т. п. Функціи дѣятельности совѣта, коллегіи деканов̀ъ, хозяйственнаго комитета и факультетовъ въ общемъ могли бы быть таковы.

Желательно, чтобы а) совѣту предоставлено было право̀ приглашать въ свои засѣданія съ совѣщательнымъ голосомъ доцентовъ, б) чтобы засѣданіе совѣта назначались не только ректоромъ, но и по письменному заявленію 10 членов̀ъ его, черезъ 3 дня послѣ этого заявленія, в) что-бы окончательному рѣшенію совѣта были предоставлены кромѣ допущенныхъ уставомъ 1884 г. слѣдующія дѣла: распредѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія во всѣхъ факультетахъ, утвержденіе составленныхъ факультетами обозрѣній преподаванія, распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату на учебныя пособія по факультетамъ, оставленіе при университетѣ стипендіатов̀ъ для приго-

товленія къ профессорскому званію и назначеніе имъ суммъ, распредѣленіе финансовой смѣты университета, а равно разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ, составляющихъ его собственность и ея исполненія, утвержденіе постановленій университетскаго суда, отправленіе молодыхъ людей за границу для приготовленія къ занятію каѳедръ на суммы, спеціально для сего ассигнуемыя министерствомъ университету, допущеніе, по ходатайствамъ факультетовъ, лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность учеными трудами, прямо къ соисканію степени доктора, разрѣшеніе ходатайствъ факультетскихъ собраній о возведеніи лицъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своими научными трудами, въ степень доктора, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертаціи. На утвержденіе попечителя представляются: а) дѣла объ избраніи доцентовъ, приватъ доцентовъ, библіотекаря и его помощниковъ, лекторовъ, лаборантовъ и всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, б) инструкція для дѣйствій проректора, в) правила о суммахъ за слушаніе лекцій, о пріемѣ студентовъ и постороннихъ слушателей, объ обязанностяхъ учащихся, о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ; г) сверхъ того, попечитель имѣетъ право входить въ совѣтъ съ предложеніями, касающимися университета. На утвержденіе министра восходятъ: а) избраніе и увольненіе ректора, деканов, проректора, почетныхъ членовъ университета и профессоровъ, избранныхъ совѣтомъ, предположенія о каѳедрахъ, б) предположенія о вознагражденіи приватъ доцентовъ, в) ходатайства объ учрежденіи ученыхъ обществъ при университетѣ, г) ходатайства объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій, д) раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, соединеніе и раздѣленіе каѳедръ, е) правила о производствѣ испытаній на ученыя степени, ж) совѣтъ представляетъ чрезъ попечителя Министру годичный отчетъ о дѣятельности университета.

Коллегіи деканов предоставляется: а) обсужденіе дѣлъ о пріемѣ въ число студентовъ, б) дѣла о допущеніи въ университетъ постороннихъ слушателей, о переходѣ студентовъ изъ одного факультета или университета въ другой, объ увольненіи изъ университета, разбирательство по проступкамъ студентовъ, не восходящимъ къ университетскому суду, и преданіе въ болѣе важныхъ случаяхъ суду и вообще дѣла, касающіяся поведенія студентовъ, в) дѣла о выдачѣ пособій и стипендій, обсужденіе учебныхъ плановъ, составляемыхъ факультетами, г) совѣщаніе по всѣмъ дѣламъ, которыя будутъ предложены ректоромъ.

Хозяйственный комитетъ, а) распоряжается суммами, назначенными на содержаніе университета по финансовой смѣтѣ, б) производить расходы изъ спеціальныхъ средствъ не свыше 300 руб. въ годъ на одинъ предметъ, в) заключаетъ контракты до 5000 р., г) составляетъ проектъ смѣты спеціальныхъ средствъ, д) завѣдуетъ всѣми открытыми ему кредитами и суммами, а также всѣмъ имуществомъ университета, составляетъ предположенія и производитъ улучшенія по хозяйственной части.

Попечитель утверждаетъ: а) производство расходовъ изъ спеціальныхъ средствъ до 1000 руб. въ годъ на одинъ предметъ, б) контракты до 7000 руб., в) предположенія объ улучшеніи хозяйственной части. На утвержденіе Министра восходятъ: а) расходы изъ спеціальныхъ средствъ свыше 1000 руб. на одинъ предметъ, б) контракты свыше 7000 руб.

Относительно факультетовъ можно высказать пожеланіе, чтобы имъ кромѣ функцій, дарованныхъ уставомъ 1884 г., предоставлены были еще слѣдующія: а) окончательное назначеніе стипендій и пособій и ходатайство объ освобожденіи отъ платы и б) печатаніе ученыхъ сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на

счетъ или отъ имени университета. Предположенія о распредѣленіи университетскихъ помѣщеній подъ учебно-вспомогательныя установленія должно вноситься на утвержденіе совѣта, а не хозяйственнаго комитета; послѣдній даетъ свои заключенія по финансовой части, факультетъ по учебной, а рѣшаетъ дѣло совѣтъ.

3-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли отмѣнить особую плату въ пользу отдѣльныхъ преподавателей?

Заключеніе коммиссіи. *Эта плата должна быть вообще отмѣнена и оставлена только для частныхъ приватъ-доцентовъ.*

Мотивы. Совѣтъ Харьковскаго университета имѣлъ уже случай высказаться по вопросу о профессорскомъ гонорарѣ, по предложенію покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія графа Делянова (см. предложеніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 21 іюля 1897 года за № 5427 на имя ректора Харьковскаго университета). Избранная для изслѣдованія этого вопроса особая коммиссія представила совѣту докладъ, въ которомъ указывала на нижеслѣдующія неудобства и вредныя вліянія, связанныя съ гонораромъ.

1) Въ виду того, что размѣръ профессорскаго гонорара зависитъ отъ числа студентовъ и распредѣленія ихъ по факультетамъ и курсамъ, система гонорара имѣла своимъ послѣдствіемъ образованіе „выгодныхъ и невыгодныхъ“ для профессорскаго персонала университетовъ, факультетовъ и каѳедръ. При этой системѣ профессора и преподаватели (приватъ-доценты) однихъ университетовъ, по преимуществу столичныхъ и Кіевскаго и профессора и преподаватели однихъ факультетовъ (по преимуществу медицинскаго и юридическаго) получаютъ несоразмѣрно большое вознагражденіе сравнительно съ профессорами и преподавателями остальныхъ университетовъ и факультетовъ. Профессора и приватъ-доценты (съ т. наз. „обязательнымъ курсомъ“), читающіе лекціи на младшихъ курсахъ, получаютъ

обыкновенно значительно бо́льшія вознагражденія, чѣмъ профессора и приватъ-доценты, читающіе на старшихъ курсахъ одного и того-же факультета.

2) Средній размѣръ гонорара въ Харьковскомъ университетѣ за 10-лѣтіе съ 1887 по 1897 годъ не превышалъ 282 р. 60 коп. въ полугодіе для профессоровъ и 41 р. 69 коп. для приватъ-доцентовъ, включая въ число этихъ послѣднихъ и тѣхъ, которые читали обязательные курсы. Размѣры колебаній въ суммѣ гонорара, получаемаго однимъ и тѣмъ же лицомъ, достигали 1311%. Благодаря этому обстоятельству, а также незначительности средняго размѣра гонорара, приходящагося на одно лицо преподавательскаго персонала, система гонорара, создавъ матеріальное благосостояніе профессоровъ въ нѣкоторыхъ „выгодныхъ университетахъ“ и занимающихъ въ нихъ „выгодныя каѳедры“, имѣла ничтожное значеніе для поднятія матеріальнаго состоянія всего преподавательскаго персонала университетовъ.

3) Не увеличивъ въ сколько нибудь значительной степени матеріальнаго благосостоянія преподавательскаго персонала университетовъ, система гонорара легла тяжкимъ бременемъ на учащихся. Историческая справка обнаруживаетъ, что по уставу 1804 года студенты платы за право ученія не вносили. Послѣдняя была введена въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка уже при дѣйствіи устава 1835 года и лишь уставъ 1863 года опредѣлилъ ее въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ въ столичныхъ университетахъ и 40 руб.—въ провинціальныхъ, предоставивъ въ то же время университетамъ уменьшать ее до половины, отсрочивать уплату и совсѣмъ освобождать отъ нея недостаточныхъ студентовъ. Уставъ 1884 года первоначально не имѣлъ въ виду увеличеніе студенческихъ платъ. Плата студентовъ *въ пользу* университетовъ (кромѣ профессорскаго гонорара) была установлена лишь въ 5 рублей въ полугодіе. Но скоро обнару-

жилось, что университеты не могутъ содержать своихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій на ту сумму, которая вносилась студентами въ пользу университетовъ, (такъ называемыя „спеціальныя средства"), а потому плата за слушаніе лекцій въ пользу послѣднихъ была повышена до 25 руб. въ полугодіе. Въ настоящее время каждому студенту приходится вносить около 100 руб. въ годъ, изъ которыхъ 50 руб. поступаютъ въ „спеціальныя средства" университетовъ и около 50 руб. въ пользу университетскихъ преподавателей.

Изученіе *сословнаго* состава русскаго студенчества приводитъ къ заключенію, что студенты въ русскихъ университетахъ въ громадномъ большинствѣ—дѣти дворянъ и чиновниковъ, составляющихъ свыше 63% общаго числа студентовъ; слѣдующую большую группу составляютъ дѣти купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ (свыше 25%). На долю остальныхъ сословій приходится нѣсколько болѣе 10%. Высокая стоимость обученія въ университетахъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что прохожденіе университетскаго курса наиболѣе облегчено съ одной стороны очень богатымъ молодымъ людямъ, а съ другой—совсѣмъ неимущимъ. Для первыхъ такая высокая плата какъ 100 руб. въ годъ, не представляетъ препятствій для поступленія въ университетъ, а люди совершенно неимущіе пользуются обыкновенно разными льготами, освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій и т. д. Какъ разъ та громадная часть русскаго юношества, родители которой пользуются нѣкоторымъ достаткомъ, оказывается въ самомъ затруднительномъ положеніи относительно прохожденія университетскаго курса. Чиновникъ или землевладѣлецъ, получающій 2000 руб. въ годъ дохода отъ жалованія или съ имѣнія, ремесленникъ или мѣщанинъ, обладающій домикомъ въ какомъ либо уѣздномъ захолустьѣ и имѣющій нѣсколько сотень рублей дохода отъ своихъ промысловъ, крайне затруднены въ содержаніи

своихъ дѣтей въ университетскихъ городахъ, гдѣ все дорого, начиная отъ скверной комнаты и кончая нездоровой пищей въ кухмистерскихъ. Семья, получающая указанный выше доходъ, (а такихъ семей—громадное большинство) становится совершенно въ безвыходное положеніе, если ей приходится воспытывать не одного ребенка, а нѣсколькихъ, содержать въ университетскомъ городѣ не одного сына, а нѣсколькихъ. Такія семьи воистину бѣдныя семьи, хотя они и не могутъ представить свидѣтельство о бѣдности, дающее право на освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій и въ пользу преподавателей. Необходимость сшить окончившему гимназію молодому человѣку студенческое платье, дать ему нѣсколько денегъ на дорогу и для уплаты въ университетъ, на пріобрѣтеніе книгъ и проч., часто совершенно подрываетъ благосостояніе семьи и она не въ состояніи бываетъ оказывать ему дальнѣйшую помощь. Такой студентъ принужденъ обращаться въ концѣ концевъ къ общественной благотворительности, ибо поиски за заработками, въ особенности въ провинціальныхъ университетахъ, оказываются тщетными. Отчетъ и данныя объ употребленіи студентами суммъ, выданныхъ имъ изъ Харьковскаго общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Харьковскаго университета, обнаруживаютъ, что громадная часть этихъ суммъ употребляется ими для уплаты за слушаніе лекцій, и такимъ образомъ получается тотъ крайне печальный фактъ, что значительная часть профессорскаго гонорара составляется изъ средствъ, назначаемыхъ для общественной благотворительности.

4) Предположеніе, что введеніе платы въ пользу отдѣльныхъ преподавателей возбудитъ среди послѣднихъ конкурренцію и тѣмъ улучшитъ качество преподаванія, не оправдалось 16 лѣтнимъ опытомъ. Уставъ 1884 года удержалъ дѣленіе университетскихъ предметовъ на обязательные и необязательные (§§ 66, 70,

71, 72); вскорѣ послѣ введенія этого устава были возстановлены полукурсовые экзамены, а послѣдующими распоряженіями установлены были нормы для пріема студентовъ въ каждый изъ университетовъ, съ пріуроченіемъ окончившихъ курсъ въ гимназіи того или иного учебнаго округа къ соотвѣтственному университету. Правда, параграфомъ 73 устава студентамъ было предоставлено право слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ занятіяхъ у того изъ преподавателей, у кого они сами пожелаютъ, *если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями*, но, какъ показалъ опытъ, этотъ параграфъ устава въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказался мертвой буквой, а иногда имѣлъ и очень нежелательныя послѣдствія. При общемъ скудномъ матеріальномъ обезпеченіи преподавательскаго персонала, послѣдній, однако, былъ заваленъ работою. Съ трудомъ справляясь по своему предмету, профессоръ только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ могъ открыть курсъ, параллельный читаемому другимъ профессоромъ — спеціалистомъ. Но мало того—такой курсъ имѣлъ бы всегда характеръ посягательства на гонораръ своего коллеги по факультету, а это обстоятельство вызывало бы непріятныя послѣдствія личнаго характера и потому совершенно неудивительно, что конкурренціи между профессорами система гонорара не возбудила. Еще менѣе могла она возбудить конкурренцію между профессорами и приватъ-доцентами съ одной стороны и самими приватъ-доцентами съ другой.

Приватъ-доценты русскихъ университетовъ въ большинствѣ случаевъ—молодые магистранты и, по преимуществу, ученики тѣхъ же самыхъ профессоровъ, съ которыми имъ предоставлено право уставомъ конкуррировать. Правда уставъ 1884 года, установивъ званіе приватъ-доцента университета, безъ обозначенія по какой каѳедрѣ онъ приготовлялся, тѣмъ самымъ, ка-

залось бы, открывалъ широкій просторъ приватъ-доцентамъ читать лекціи по любому изъ предметовъ факультетскаго курса, но, къ счастью, этимъ правомъ воспользовались лишь очень немногіе, такъ какъ большинство приватъ-доцентовъ хорошо сознавали, что излагать науку не значитъ излагать учебники. Въ результатѣ оказалось, что приватъ-доценты стали читать по вакантнымъ каѳедрамъ или по порученію факультетовъ или по назначенію Министерства. Такимъ образомъ появились приватъ-доценты съ опредѣленнымъ жалованіемъ, съ обязательнымъ курсомъ, словомъ, подъ другимъ названіемъ были возстановлены упраздненные уставомъ 1884 года *доценты*, но только съ меньшею суммою какъ служебныхъ правъ, такъ и факультетскихъ обязанностей. Всякій приватъ-доцентъ университета мечталъ объ обязательномъ курсѣ или части его, потому что съ нимъ связываемо было все его матеріальное благосостояніе и даже ученое будущее, а при такихъ обстоятельствахъ о конкурренціи между профессоромъ и приватъ-доцентомъ, въ особенности въ малолюдныхъ университетахъ, можно было говорить лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Но такіе случаи бывали и врядъ ли повтореніе ихъ желательно. При системѣ университетскихъ экзаменовъ, побудительною причиною записыванія у того или другого преподавателя является иногда не талантливость или ученость послѣдняго, а размѣръ его экзаменаціонныхъ требованій, его отношеніе къ экзаменамъ. Въ отвѣтѣ на 8-й вопросъ Министерства указано будетъ на тѣ случаи, когда допустима гонорарная система вознагражденія приватъ-доцентовъ. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о случаяхъ вреднаго въ нравственномъ отношеніи вліянія очень высокихъ гонораровъ какъ на профессоровъ, такъ и въ особенности на еще не установившихся юношей приватъ-доцентовъ.

5) Размѣръ гонорара по уставу зависитъ отъ числа слушателей; но въ дѣйствительности число слушателей не опредѣляетъ времени, потребнаго профессору на подготовку къ лекціи: будетъ ли у него 50, 100 или даже 5 слушателей, онъ долженъ будетъ употребить на эту подготовку одинаковое время. Однако нельзя не признать, что профессора многолюдныхъ факультетовъ несутъ трудъ бо́льшій, чѣмъ профессора факультетовъ малолюдныхъ, если измѣрять трудъ не числомъ читаемыхъ лекцій, а числомъ сочиненій, представляемыхъ студентами, числомъ лицъ, нуждающихся въ учебномъ и ученомъ руководствѣ во время практическихъ занятій, наконецъ числомъ экзаменующихся. Но найти сколько нибудь справедливое мѣрило такого труда не представляется ни малѣйшей возможности. Поэтому коммиссія полагаетъ, что для многолюдныхъ университетовъ и факультетовъ слѣдуетъ не сохранять гонораръ, а увеличить численность основного и вспомогательнаго персонала ихъ, отчего выиграли бы и студенты, и наука, и университеты.

6) Въ заключеніе нельзя не отмѣтить моральныхъ сторонъ дѣйствующей системы гонорара. Она развиваетъ не конкурренцію, а зависть между университетскими преподавателями, заставляетъ ихъ иной разъ искать дешевой популярности между студентами, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ пониженіе экзаменаціонныхъ требованій и *главное* ставитъ учащихъ въ совершенно ненормальныя отношенія къ учащимся. Она не даетъ скромному труженику расширить предметъ преподаванія изъ боязни нареканія въ стремленіи увеличить свой гонораръ и можетъ позволить иному, безъ нужды для дѣла, расширеніемъ изложенія предмета увеличить число часовъ преподаванія. На основаніи изложеннаго коммиссія приходитъ къ заключенію о необходимости полной отмѣны системы платы со студентовъ въ пользу отдѣльныхъ преподавателей.

4-й ВОПРОСЪ.

Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университету занятіями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣятельно вести практическія занятія со студентами?

Отвѣтъ коммиссіи. *Для безбѣднаго существованія небольшой профессорской семьи, при настоящихъ цѣнахъ, необходима сумма въ 6000 рублей, при чемъ имѣется въ виду 1) образъ жизни, соотвѣтствующій общественному положенію профессора, и 2) отсутствіе посторонних оплачиваемыхъ занятій.*

Мотивы. По уставу 1804 года профессора получали по 2000 руб., а адъюнкты по 800 руб. въ годъ жалованья и, при этомъ, почти всѣ они имѣли прибавки за исполненіе разныхъ обязанностей по университетскому управленію и, кромѣ того, многіе изъ нихъ имѣли казенныя квартиры. Это жалованье считалось въ то время достаточнымъ, въ особенности по сравненію съ жалованьемъ другихъ чиновниковъ, напримѣръ, учителей, получавшихъ до 750 руб. въ годъ. Но, когда въ связи съ континентальной системой Наполеона I, предметы первой необходимости поднялись въ цѣнѣ въ 4—5 разъ, жить на это жалованье оказалось затруднительно и въ 1810 году уже возникаетъ ходатайство харьковскихъ профессоровъ объ увеличеніи ихъ содержанія. Штаты устава 1835 года явились до нѣкоторой степени отвѣтомъ на измѣнившіяся экономическія условія. Содержаніе профессоровъ было увеличено до 4500 р. асс.

для ординарныхъ, 3400 руб. асс. для экстраординарныхъ и 2300 р.—для адъюнктовъ. По штатамъ устава 1863 года, размѣръ содержанія былъ увеличенъ и опредѣленъ въ 3000 руб. *серебромъ* (это равнялось прежнимъ 10500 руб. ассигнаціями) для ординарныхъ, 2000 р. (7 тыс. руб. асс.) экстраординарныхъ и 1200 руб. с. (=4400 р. асс.), для доцентовъ, причемъ въ пенсію, по уставу 1863 года, стало идти *прежнее* профессорское жалованье, переведенное съ ассигнацій на серебро. По штату 1884 г., жалованье осталось прежнее и только пенсія стала равняться содержанію. Такимъ образомъ, послѣ 31 года существованія университетовъ жалованье профессорамъ было увеличено въ $2^1/_4$ раза, по истеченіи слѣдующихъ 28 лѣтъ оно было увеличено въ $2^1/_3$ раза, *а затѣмъ съ 1863 года до нынѣшняго времени, т. е. почти 40 лѣтъ, остается безъ перемѣны.* Если признать, что дороговизна жизни и въ послѣднія десятилѣтія возрастала въ такой же пропорціи, въ какой росла раньше, то нынѣшніе оклады профессоровъ слѣдовало бы увеличить втрое. Но коммиссія сознаетъ, что выдача подобныхъ окладовъ была бы невозможна для государственнаго казначейства и не находилась бы въ соотвѣтствіи съ вознагражденіемъ другихъ чиновниковъ и потому останавливается на минимальной суммѣ въ 6000 руб., которая необходима для безбѣднаго существованія небольшой профессорской семьи, при нынѣшнихъ харьковскихъ цѣнахъ и при образѣ жизни, соотвѣтствующемъ общественному положенію профессора, въ надеждѣ, что и эти новые штаты будутъ измѣнены тогда, когда перестанутъ соотвѣтствовать потребностямъ времени. Уже 38 лѣтъ тому назадъ профессорамъ было трудно жить на 3000 р. и они считали желательнымъ окладъ въ 5000 руб.

Извѣстный русскій экономистъ, проф. Горловъ, сдѣлавъ детальный подсчетъ необходимыхъ расходовъ

на наемъ помѣщенія, пищу, одежду, прислугу, воспитаніе дѣтей и проч. указывалъ на цифру въ 2942 р. 50 коп., какъ на необходимый minimum и при этомъ прибавлялъ: „итакъ, потребно 2942½ руб., если профессоръ будетъ завтракать на *восемь* (8) коп., если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда ходить пѣшкомъ; никогда не будутъ звать доктора и покупать лѣкарства; если онъ никогда не будетъ выѣзжать изъ Петербурга въ лѣтнее время, когда Петербургъ необитаемъ отъ пыли, жары и зловонія; если онъ будетъ вести затворническій образъ жизни и никого не будетъ у себя принимать, а самъ никого посѣщать; если онъ не будетъ заботиться объ участи своихъ дѣтей и жены и не будетъ ничего для нихъ сберегать; если у него не будетъ никакихъ экстраординарныхъ семейныхъ расходовъ. Допустивъ же, что профессоръ по всѣмъ этимъ предметамъ будетъ дѣлать самые умѣренные и необходимые расходы, бюджетъ его надо возвысить до 4 т. р. с. При 5 т. р. с. содержанія жизнь профессора сдѣлается удобною и привлекательною для молодыхъ ученыхъ, которые, для пріобрѣтенія такихъ выгодъ, войдутъ въ значительную между собою кункурренцію. Необходимость для пополненія содержанія сыскивать существованіе журнальными статьями и преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлали положеніе профессора крайне тягостнымъ и отвлекающимъ его отъ занятій чисто научныхъ. Если профессорскій окладъ будетъ возвышенъ до 5 т. р. ординарному и 3500 р. экстраординарному и, по соразмѣрности, другимъ преподавателямъ, то профессоръ будетъ въ состояніи дѣйствительно посвятить себя наукамъ безъ суровыхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ и пріобрѣтеніе такого положенія можетъ сдѣлаться цѣлью жизни для самыхъ отличныхъ дарованій“. Эти слова, подъ которыми несомнѣнно подпи-

шется громадная часть профессорскаго персонала Россіи, а въ особенности профессора малолюдныхъ провинціальныхъ университетовъ, были написаны 38 лѣтъ тому назадъ и въ то время совѣтъ Харьковскаго университета выражалъ пожеланія о необходимости увеличить содержаніе преподавателей и чиновниковъ университета, соразмѣрно увеличенію дороговизны и притомъ въ провинціальныхъ университетахъ въ одинаковомъ размѣрѣ со столичными. Послѣднее мнѣніе основывалось на томъ несомнѣнномъ фактѣ, съ особенною силою проявляющемся въ послѣднее время, что такіе провинціальные города, какъ Кіевъ, Харьковъ и Одесса, по дороговизнѣ квартиръ и другихъ предметовъ первой необходимости, не отличаются отъ столицъ, по отношенію же къ культурнымъ удобствамъ стоятъ ниже послѣднихъ.

Съ тѣхъ поръ жизнь, какъ то извѣстно всякому, значительно вздорожала. Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, достигшее своего максимума въ 80 годахъ особенно сильно отразилось на благосостояніи преподавательскаго персонала, тѣмъ больше, что послѣдній въ силу своего положенія, долженъ былъ въ особенности часто обращаться за покупками товаровъ иностраннаго происхожденія (книги, инструменты и проч.). Тѣмъ не менѣе уставъ 1884 года, оставилъ въ видѣ „временныхъ“ прежніе штаты, предоставивъ только профессорамъ студенческій гонораръ.

Иллюстраціей тѣхъ условій, при которыхъ приходится жить профессорамъ Харьковскаго университета, можетъ служить нижеслѣдующая табличка, составленная на основаніи конкретныхъ записей, ведшихся съ 1892 по 1896 годъ включительно однимъ изъ нихъ. Семья составителя этой таблички состоитъ изъ жены и двухъ дѣтей (мальчикъ 13 и дѣвочка 11 лѣтъ). Эта семья тратила среднимъ числомъ въ мѣсяцъ:

На наемъ помѣщенія	58 р.	33 к.
Отопленіе	10 „	— „
Освѣщеніе	3 „	36 „
Прислуга	35 „	70 „
Пища	94 „	17 „
Одежда и обувь	40 „	— „
Обученіе дѣтей и книги	22 „	92 „
Удовольствія и лакомства	12 „	37 „
Лѣченіе и лѣкарства	9 „	88 „
Куреніе	3 „	42 „
Извощики	5 „	1 „
Благотворительность	7 „	67 „
Ремонтъ хозяйственнаго инвентаря, мойка бѣлья, починка мебели, раздача на водку и другіе случайные расходы	44 „	88 „
Итого въ мѣсяцъ .	347 р.	71 к. или

4166 р. 4 к. въ годъ. Здѣсь также нѣтъ нѣкоторыхъ необходимыхъ статей бюджета, напримѣръ, расхода на дачу, и вообще при разсмотрѣніи скромныхъ цифръ этой таблицы невольно вспоминаются горькія слова профессора Горлова.

Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ гонорара, который, по десятилѣтнему подсчету, давалъ для профессоровъ трехъ факультетовъ въ среднемъ по 700 руб. въ годъ, желательно было бы увеличить ихъ нынѣшніе оклады вдвое, при томъ однако непремѣнномъ условіи, чтобы размѣры пенсіи соотвѣтствовали, какъ это мы видимъ и нынѣ, размѣрамъ содержанія. Если принять во вниманіе размѣръ уничтожаемаго гонорара, то эта прибавка ближе подходитъ къ полуторной, чѣмъ двойной; а если предположить, что увеличеніе содержанія устранитъ нынѣшнее совмѣстительство, то эта прибавка окажется въ сущности даже менѣе $^1/_2$ нынѣшняго оклада.

Общая прибавка профессорскаго содержанія изъ суммъ Государственнаго казначейства, конечно, ляжетъ новымъ налогомъ на все населеніе нашей родины. Коммиссія прекрасно сознаетъ всю важность этого обстоятельства. И если тѣмъ не менѣе она предлагаетъ такую мѣру, то руководствуется твердымъ убѣжденіемъ, что матеріальное обезпеченіе преподавательскаго персонала университетовъ есть залогъ развитія науки, которая возвратитъ населенію взятыя съ него средства сторицею, что перенесеніе тѣхъ уплатъ, которыя производитъ въ настоящее время русское студенчество на всю массу населенія, дастъ этой послѣдней большее число образованныхъ учителей, судей, администраторовъ, врачей, будетъ способствовать развитію техническаго знанія и тѣмъ самымъ увеличитъ нравственное и матеріальное благосостояніе всего общества.

Говоря о прибавкѣ жалованья профессорамъ, нельзя обойти вопроса о крайне скудномъ матеріальномъ обезпеченіи остального персонала служащихъ въ университетѣ лицъ. Коммиссія указала размѣръ необходимаго содержанія для доцентовъ, стипендіатовъ и лицъ, командируемыхъ съ ученою цѣлью заграницу. Но необходимо также соотвѣтственно поднять оклады прозекторовъ, ассистентовъ, лаборантовъ, помощниковъ библіотекаря (объ этихъ послѣднихъ было возбуждено Харьковскимъ университетомъ спеціальное ходатайство), архиваріуса. Наконецъ, слѣдуетъ пересмотрѣть также штаты содержанія и пенсіи чиновниковъ, завѣдующихъ канцелярскою частью въ университетѣ, и во всякомъ случаѣ устранить аномалію нынѣшняго устава, по которой казначей и бухгалтеръ, занимающіе столь отвѣтственныя должности въ денежномъ отношеніи, имѣютъ право на пенсію, по выслугѣ 35 лѣтъ, въ *171 р. 60 к.* (См. 3-й томъ Свода Законовъ кн. 2-я, изд. 1896 г., стр. 162 и 163 и 14), и это потому, что

должности ихъ положены въ IX-мъ классѣ; необходимо во всякомъ случаѣ уравнять ихъ должности по классамъ съ должностями секретаря правленія, секретаря по студенческимъ дѣламъ и экзекутора, которые состоятъ въ VIII классѣ и получаютъ по 428 р. 85 к. пенсіи.

5-й ВОПРОСЪ.

Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ до указаннаго размѣра, возможно ли допускать занятіе ими другихъ должностей внѣ университета или службу ихъ по вольному найму въ другихъ учрежденіяхъ? Если возможно, то какія должности и какія занятія по вольному найму совмѣстимы со званіемъ и обязанностями профессора? Въ связи съ этимъ, желательно ли сохранить статью 467 общаго устава университетовъ (Св. Зак., т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), или она требуетъ измѣненія и въ какомъ смыслѣ?

Отвѣтъ коммиссіи. *Занятіе профессорами посторонних постоянныхъ платныхъ должностей и службы по найму нежелательны, но въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ быть допускаемы, при условіи, если они не мѣшаютъ прямымъ обязанностямъ профессора и стоятъ въ соотвѣтствіи съ его достоинствомъ; опредѣленіе тѣхъ должностей и занятій, которыя должны быть признаны несовмѣстимыми, принадлежитъ совѣту. 467-ю ст. общаго устава университетовъ (о шестичасовой нормѣ) слѣдуетъ, по мнѣнію большинства коммиссіи (9 голосовъ противъ 4-хъ), отмѣнить и замѣнить слѣдующей: штатные преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета столько часовъ въ недѣлю, сколько на основаніи представленныхъ ими соображеній и по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, назначитъ имъ факультетъ, съ утвержденія совѣта.*

Мотивы. Необходимо дѣлать строгое различіе между занятіемъ постороннихъ университету должностей и службою по найму и такими занятіями какъ, напримѣръ, медицинская практика и учено-литературные труды. Въ данномъ вопросѣ—о совмѣстительствѣ рѣчь

можетъ идти только о первыхъ, но никоимъ образомъ не можетъ касаться вторыхъ, хотя и тѣ, и другія оплачиваются извѣстными гонорарами. Зачастую совмѣщеніе оказывается неизбѣжнымъ и даже желательнымъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ является единственнымъ въ краѣ представителемъ извѣстной спеціальности, и само правительство или общественныя учрежденія призываютъ его къ соотвѣтственной дѣятельности. Преподаваніе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и медицинская практика, въ извѣстныхъ предѣлахъ, не препятствуютъ правильному теченію преподавательской дѣятельности профессора и не противорѣчатъ его прямымъ обязанностямъ; напротивъ, они подъ часъ даже вытекаютъ изъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, совмѣстительство въ принципѣ, не желательно, но регламентація постороннихъ занятій профессора представляется невозможною; нѣкоторою гарантіею въ этомъ отношеніи можетъ служить нравственная оцѣнка кандидатовъ въ профессора со стороны факультетовъ и совѣта. А кромѣ того желательно вмѣшательство въ извѣстныхъ предѣлахъ совѣта, который могъ бы высказываться въ отдѣльныхъ случаяхъ о допустимости совмѣщенія постороннихъ должностей или службы по найму.

Признавая желательной отмѣну 6 часовой нормы, большинство коммиссіи руководствовалось тѣмъ соображеніемъ, что число часовъ чтенія и практическихъ занятій находится въ зависимости отъ содержанія и характера курса, отъ размѣра свободнаго времени, которымъ могутъ располагать студенты и потому вмѣсто общей нормы сочла болѣе удобнымъ предоставлять рѣшеніе этого вопроса факультету.

6-й ВОПРОСЪ.

Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльныхъ преподавателей.

Заключеніе коммиссіи. *Гарантія научности и достоинства преподаванія отдѣльныхъ преподавателей заключается въ надлежащемъ выборѣ ихъ на ихъ должности въ факультетѣ и совѣтѣ. Контроль факультетовъ надъ научностью и полнотою преподаванія долженъ заключаться въ обсужденіи, согласованіи и утвержденіи плановъ представляемыхъ преподавателями чтеній и практическихъ занятій. О результатахъ исполненія плановъ преподаванія преподаватели должны сообщать къ свѣдѣнію факультетовъ въ концѣ года. Планы преподаванія факультетскихъ предметовъ печатаются во всеобщее свѣдѣніе.*

Мотивы. Коммиссія, при обсужденіи этого вопроса, исходила изъ той мысли, что установить какія либо внѣшнія мѣры контроля надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльныхъ преподавателей, хотя-бы даже въ видѣ неизмѣнныхъ программъ преподаванія, разъ навсегда утвержденныхъ высшею административною властію, невозможно безъ существеннаго вреда какъ для преподаванія, такъ и для развитія науки. Опытъ прошлаго достаточно убѣждаетъ, что такъ называемыя „министерскія программы преподаванія“, введенныя въ дѣйствіе уставомъ 1884 года для государственныхъ экзаменовъ, фактически не исполнялись и имѣли своимъ послѣдствіемъ лишь изданія всякаго рода „репетиторіумовъ“ „повторительныхъ курсовъ“ и т. п., съ которыми, въ виду ихъ крайней ненаучности приходилось бороться даже са-

мимъ предсѣдателямъ экзаменаціонныхъ коммиссій, такъ какъ студенты зачастую являлись на экзамены, только запомнивъ тѣ ненаучныя и скудныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ нихъ изданіяхъ. Никакого сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что настоящій ученый не будетъ вести ненаучнымъ образомъ своего преподаванія и если факультетамъ и совѣтамъ университетовъ будетъ предоставлено право самопополненія путемъ выбора новыхъ преподавателей и перебаллотировки, послѣ извѣстнаго срока, старыхъ, то тѣмъ самымъ научность и достоинство преподаванія каждаго отдѣльнаго преподавателя будетъ надлежащимъ образомъ гарантирована. Остается вопросъ о полнотѣ преподаванія и о согласованіи преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Коммиссія полагала, что *полнота* преподаванія отдѣльнаго предмета не должна идти въ ущербъ научности и потому врядъ ли было бы цѣлесообразно требовать отъ каждаго отдѣльнаго преподавателя, чтобы онъ непремѣнно излагалъ предметъ своего преподаванія *во всемъ его объемѣ*. Задача университетскаго преподавателя заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы развить въ слушателяхъ интересъ къ научной работѣ и мышленію и познакомить ихъ съ методами изслѣдованія, употребляемыми въ каждой отдѣльной дисциплинѣ. Вопросъ объ объемѣ сообщаемыхъ каждымъ преподавателемъ знаній имѣетъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія хотя и важное, но второстепенное значеніе. Разсчитывать, чтобы университетъ выпускалъ готовыхъ ученыхъ или практическихъ дѣятелей, конечно, нельзя, но необходимо, чтобы онъ выпускалъ такихъ лицъ, которыя въ дальнѣйшей своей дѣятельности умѣли бы оріентироваться и знали, гдѣ и какъ имъ нужно искать того, что имъ необходимо будетъ знать. Наука подвигается впередъ трудами отдѣльныхъ ученыхъ и мало-по-малу область ея расширяется все болѣе и болѣе. Лѣтъ 40—50 тому назадъ неизвѣстны

были такія отдѣлы химіи, физики, біологіи, общественныхъ и историческихъ наукъ, которыя въ настоящее время разрослись даже въ совершенно самостоятельныя области знанія. При такомъ положеніи вещей никто лучше факультетовъ не можетъ опредѣлить, что именно должно быть выбрано изъ сокровищницы знанія и преподано студентамъ какъ въ видѣ общихъ, такъ и спеціальныхъ курсовъ. Коммиссію нисколько не пугаетъ мысль, что въ зависимости отъ личнаго состава факультетовъ въ однихъ университетахъ планы преподаванія будутъ одни, а въ другихъ—другіе. Это будетъ лишь служить доказательствомъ движенія впередъ самой науки, которая всегда стремится расширить тѣ рамки, въ которыя ее вставляетъ данная эпоха. Но коммиссія полагаетъ, что самый фактъ факультетскаго обсужденія и утвержденія плановъ преподаванія, сообщенія факультетамъ преподавателями результатовъ преподаванія въ концѣ каждаго учебнаго года и печатаніе этихъ плановъ во всеобщее свѣдѣніе будетъ служить вполнѣ достаточнымъ контролемъ за полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія. Превратившись въ дѣйствительно ученыя коллегіи, какими должны быть, по мнѣнію коммиссіи, факультеты, эти послѣдніе, при взаимной помощи спеціалистовъ, ихъ составляющихъ, несомнѣнно будутъ имѣть возможность отвести каждому предмету факультетскаго преподаванія то мѣсто, которое онъ долженъ занимать во всей системѣ наукъ, преподаваемыхъ въ каждомъ факультетѣ, и тѣмъ самымъ ограничатъ сильныя отклоненія въ ту или другую сторону отъ принятой системы или, другими словами, согласуютъ между собою всѣ эти предметы.

При обсужденіи 6-го вопроса Министерской программы, коммиссія не могла обойти вопроса о случаяхъ ненаучности преподаванія, къ сожалѣнію, бывавшихъ и въ Харьковскомъ университетѣ, равно какъ и случаяхъ неисполненія профессорами и преподавателями возло-

женныхъ на нихъ закономъ и ихъ положеніемъ обязанностей. Какъ ни печальны такіе случаи, но бороться съ ними можно исключительно путемъ общаго улучшенія преподавательскаго персонала университетовъ, что достижимо только при развитіи университетскаго самоуправленія съ одной стороны, а съ другой при введеніи въ университетскій уставъ правила, дозволяющаго въ особо важныхъ случаяхъ совѣту ходатайствовать объ удаленіи изъ университета профессоровъ и преподавателей, за упорное уклоненіе отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, а также за дѣйствія и проступки, вредящіе достоинству университета, при безуспѣшности сдѣланныхъ имъ отъ имени совѣта замѣчаній. Приговору совѣта о необходимости удаленія со службы кого либо изъ указанныхъ лицъ должно предшествовать разслѣдованіе дѣла назначенной для этого коммиссіей и выслушаніе объясненій лица, привлеченнаго къ отвѣтственности. Самое преданіе суду дѣлается по иниціативѣ и постановленію факультета, къ которому принадлежитъ обвиняемый, и при томъ $^3/_4$ голосовъ, а обвинительный приговоръ въ совѣтѣ имѣетъ силу лишь въ томъ случаѣ, если за обвиненіе подано не менѣе $^3/_4$ голосовъ наличныхъ членовъ совѣта при закрытой баллотировкѣ.

По мнѣнію коммиссіи, *только* такимъ способомъ могутъ быть удаляемы отъ службы вышеуказанныя лица; если совѣтъ ихъ избираетъ, то совѣту же должно принадлежать право ихъ удаленія; но это право необходимо обставить такими условіями, которыя бы давали гарантію полнаго безпристрастія, доказательности и отсутствія личныхъ мотивовъ при предъявленіи обвиненія, ибо уже самый фактъ обвиненія, хотя бы и не доказаннаго, бросаетъ тѣнь на обвиняемаго и является для него источникомъ нравственныхъ терзаній на всю жизнь.

7-й ВОПРОСЪ.

Не нужны ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ, въ особенности для веденія практическихъ занятій со студентами? Если нужны, то какое служебное положеніе должны занимать эти послѣдніе и въ какихъ отношеніяхъ находиться какъ къ профессорамъ, при которыхъ они состоятъ, такъ и къ факультету.

Заключеніе коммиссіи. *Помощники профессоровъ нужны на многолюдныхъ курсахъ и могутъ оказаться полезными и на малолюдныхъ. Служебное положеніе ихъ опредѣлить заранѣе невозможно: это дѣло слѣдуетъ предоставить факультетамъ и совѣтамъ.*

Мотивы. Помощники профессоровъ какихъ имѣетъ въ виду коммиссія существуютъ въ настоящее время въ видѣ прозекторовъ, лаборантовъ, ассистентовъ и проч., по преимуществу на медицинскомъ и естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета. Эти лица подготовляютъ необходимыя пособія и матеріалы при чтеніи лекцій, помогаютъ профессорамъ вести практическія занятія со студентами, иногда руководятъ этими занятіями по указанію профессоровъ и исполняютъ другія обязанности, частію ученаго характера, частію по завѣдыванію хозяйствомъ кабинетовъ, лабораторій и т. д. Чѣмъ болѣе студентовъ имѣется на этихъ факультетахъ, тѣмъ большая нужда въ этомъ вспомогательномъ учебномъ персоналѣ и совѣтъ Харьковскаго университета не разъ уже имѣлъ случай указывать какъ на его недостаточность, такъ и на крайне недостаточное его матеріальное обезпеченіе. Донынѣ помощниковъ

профессоровъ не было только на юридическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ. Но въ послѣднее время преподаватели этихъ факультетовъ стали обращать все большее и большее вниманіе на развитіе практическихъ занятій почти по всѣмъ предметамъ факультетскаго преподаванія и такимъ образомъ вопросъ о помощникахъ для профессоровъ 2-хъ послѣднихъ изъ названныхъ факультетовъ возникъ на почвѣ дѣйствительной потребности. Необходимость такихъ помощниковъ на многолюдныхъ факультетахъ, каковъ юридическій, не требуетъ, повидимому, какихъ либо доказательствъ. На профессора, читающаго курсъ лекцій, никоимъ образомъ нельзя возлагать обязанности посвящать все свое время занятіямъ со студентами: въ этомъ случаѣ профессору пришлось бы не только отказываться отъ всякой научной работы, но онъ не имѣлъ бы времени даже для подготовленія къ очереднымъ, текущимъ лекціямъ. Но несомнѣнно важно и нужно, чтобы профессоръ взялъ на себя руководство практическими занятіями, указалъ бы на тѣ пріемы и матеріалы, которыми слѣдуетъ при этихъ занятіяхъ пользоваться, и тѣмъ самымъ принималъ бы и личное участіе въ этихъ занятіяхъ, посвящая имъ, однако, болѣе или менѣе ограниченное число недѣльныхъ часовъ. Помощники профессоровъ, подъ наблюденіемъ этихъ послѣднихъ, могли бы исполнять роль ближайшихъ руководителей студентовъ, постоянно присутствовать при ихъ упражненіяхъ въ университетѣ и въ то же время подготовлять тѣ матеріалы и пособія, которыя нужны профессору при чтеніи лекцій. На малолюдныхъ факультетахъ помощники также могутъ иногда оказаться полезными и необходимыми, когда, напримѣръ, извѣстный предметъ очень обширенъ, а профессоръ не имѣетъ ни товарища по преподаванію, ни доцента, ни приватъ-доцента. Приватъ-доценты могли бы представлять прекрасный контингентъ для выбора изъ нихъ

помощниковъ профессоровъ и имъ можно было бы поручать или чтеніе спеціальныхъ курсовъ, или веденіе практическихъ занятій.

По второй части поставленнаго Министерствомъ вопроса мнѣнія членовъ коммиссіи раздѣлились: 6 изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ коммиссіи находили, что опредѣлить заранѣе служебное положеніе помощниковъ профессоровъ, а равно и отношеніе ихъ къ профессорамъ и къ факультету невозможно, что нужно предоставить факультетамъ право въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ избирать, по представленію профессора, помощника профессора, опредѣлить размѣръ его жалованія и служебное положеніе и представлять въ совѣтъ на утвержденіе. *Четверо* изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ коммиссіи находили, что въ настоящее время нельзя опредѣлить только *числа* необходимыхъ помощниковъ, на всѣ же остальные вопросы Министерства можно отвѣтить категорически. Въ виду мнѣнія большинства, коммиссія не останавливалась долго на дебатахъ по этому вопросу. Однимъ изъ членовъ коммиссіи было высказано мнѣніе, что въ качествѣ помощниковъ профессоровъ могли бы быть лица, выдержавшія магистерскій экзаменъ; другой членъ коммиссіи находилъ, что эту должность могли бы занимать также приватъ-доценты. По мнѣнію перваго изъ членовъ коммиссіи служебное положеніе „помощниковъ профессоровъ“ ихъ отношеніе къ профессорамъ руководителямъ и къ факультету, могло бы быть такое же, какое существуетъ для прозекторовъ на медицинскомъ факультетѣ.

Было высказано желаніе, чтобы и на физико-математическомъ факультетѣ введена была соотвѣтственная должность, съ бо́льшимъ ученымъ цензомъ, чѣмъ имѣется у ассистентовъ и съ болѣе высокимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Одинъ изъ членовъ коммиссіи

полагалъ, что было бы желательно измѣненіе въ томъ же направленіи должности ассистентовъ при госпитальныхъ клиникахъ. Другой ея членъ находилъ желательнымъ, чтобы для помощниковъ профессоровъ въ распоряженіе университета, отпускалась заранѣе опредѣленная сумма, которая будетъ расходоваться по представленію факультетовъ.

8-й ВОПРОСЪ.

Какія измѣненія желательны въ положеніи приватъ-доцентовъ, чтобы обезпечить университеты достойными лицами для замѣщенія свободныхъ каѳедръ? Не слѣдуетъ ли ограничить число приватъ-доцентовъ и точнѣе опредѣлить ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе?

Отвѣтъ коммиссіи. *Желательно возстановить институтъ штатныхъ доцентовъ. Для занятія должности доцента требовать первой ученой степени—магистерской, если будутъ сохранены обѣ, а если останется одна докторская, то экзамена, диссертаціи pro venia legendi и, по усмотрѣнію факультета, чтенія лекцій въ качествѣ приватъ-доцента (отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ); затѣмъ должна быть оцѣнка и баллотировки въ факультетѣ и баллотировка (безъ оцѣнки) въ совѣтѣ и утвержденіе попечителемъ. Доценты участвуютъ съ правомъ рѣшающаго голоса во всѣхъ дѣлахъ факультета, за исключеніемъ баллотировокъ декана, секретаря и профессоровъ (но съ правомъ совѣщательнаго голоса въ этихъ дѣлахъ). Содержаніе имъ слѣдуетъ назначить въ размѣрѣ 3000 р. въ годъ. Институтъ приватъ-доцентовъ также желательно оставить. Для полученія должности приватъ-доцента необходимы: а) представленіе университетскаго или соотвѣтствующаго ему диплома, б) диссертаціи pro venia legendi съ coloquium'омъ, в) чтеніе 2 пробныхъ лекцій, г) оцѣнка и баллотировка въ факультетѣ. Лица, выдержавшія экзаменъ на ученую степень или пріобрѣвшія извѣстность учеными трудами, освобождаются отъ представленія диссертаціи pro venia legendi. Профессора другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, стоящихъ на одномъ уровнѣ съ университетами, могутъ быть допускаемы къ приватъ-до-*

центуръ на основаніи одной факультетской оцѣнки безъ другихъ требованій. Выборы всѣхъ категорій приватъ-доцентовъ должны подлежать утвержденію совѣта. Служебное положеніе приватъ-доцентовъ должно остаться безъ измѣненія. Изъ категоріи вольныхъ приватъ-доцентовъ, читающихъ необязательные курсы, факультеты могутъ выдѣлять такихъ, которымъ, въ случаѣ надобности, будетъ поручаться временно преподаваніе полезныхъ дополнительныхъ курсовъ и веденіе практическихъ занятій, съ выдачею имъ за это вознагражденія. Вольные же приватъ-доценты получаютъ гонораръ.

Мотивы. Вопросъ о приватъ-доцентурѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о штатной доцентурѣ, упраздненной уставомъ 1884 г.; необходимо возстановить эту послѣднюю, что мотивируется слѣдующими соображеніями: а) штатная должность доцента въ высокой степени желательна съ точки зрѣнія потребностей факультетовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наличный составъ преподавателей оказывается недостаточнымъ; б) штатная доцентура является естественною переходною ступенью къ занятію каѳедры (къ профессурѣ); в) штатные доценты могли бы съ успѣхомъ преподавать тѣ отдѣлы науки, для которыхъ не требуется отдѣльной профессуры; г) штатная доцентура могла бы служить для удержанія при университетѣ лицъ (съ правомъ на профессуру), которыхъ факультетъ считаетъ достойными и полезными, но для которыхъ нѣтъ свободнаго профессорскаго оклада.—Отъ упраздненія доцентуры произошли столь значительныя неудобства, что вопреки дѣйствующему уставу 1884 г., уничтожившему этотъ институтъ, его пришлось снова возстановить, только подъ другимъ именемъ („приватъ-доцентовъ по назначенію“). Для полученія званія профессора—требуется высшая ученая степень — доктора. Между тѣмъ русскіе университеты не такъ богаты учеными силами, чтобы можно было замѣстить всѣ каѳедры ли-

цами, имѣющими эту степень. Поэтому преподаваніе по многимъ, даже основнымъ, каѳедрамъ приходилось поручать временно-исправляющимъ обязанность профессора (бывшимъ доцентамъ) или приватъ-доцентамъ (по 64 ст. устава), въ большинствѣ случаевъ даже не магистрамъ, а магистрантамъ, и затѣмъ такія порученія возобновлять изъ года въ годъ, иногда въ теченіе 14-ти лѣтъ, какъ это было, напр. у насъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Трудность замѣщенія каѳедръ лицами, имѣющими высшую ученую степень, съ одной стороны, желаніе обезпечить положеніе молодыхъ ученыхъ, уже болѣе или менѣе извѣстныхъ своими трудами или преподавательской дѣятельностью, съ другой, по необходимости повели къ отступленіямъ отъ устава, съ Высочайшаго разрѣшенія. Признавъ, такимъ образомъ, необходимость возстановленія штатной доцентуры, коммиссія занялась вопросомъ объ ученомъ цензѣ для профессоровъ и доцентовъ. Для полученія должности профессора рѣшено было требовать одной ученой степени — докторской (другая магистерская уничтожается), но докторская диссертація должна представлять изъ себя серьезное самостоятельное изслѣдованіе, хотя и небольшаго объема. За такое рѣшеніе вопроса высказалось 5 членовъ коммиссіи съ предсѣдателемъ; 5 другихъ членовъ стояли за 2 ученыя степени. Но сама по себѣ докторская степень, согласно единогласному рѣшенію коммиссіи, еще не можетъ давать права на профессуру: кромѣ нея нужно требовать оцѣнки ученыхъ трудовъ кандидата въ факультетѣ и совѣтѣ. Предполагая, что будутъ сохранены обѣ, коммиссія большинствомъ 8-ми голосовъ противъ 2-хъ, постановила, что для полученія званія штатнаго доцента необходимо имѣть первую (магистерскую) степень. Если-же вмѣсто двухъ ученыхъ степеней будетъ установлена одна, докторская, то какія требованія, въ такомъ случаѣ, надлежитъ

предъявлять лицамъ, ищущимъ званія штатнаго доцента? По этому вопросу мнѣнія раздѣлились; 6 голосовъ было подано за слѣдующія требованія: экзаменъ, защита диссертаціи pro venia legendi и, по усмотрѣнію факультета, приватъ-доцентура, какъ временный искусъ (напр. на 3 мѣсяца, на ½ года, на годъ и т. д. до 3-хъ лѣтъ); что касается диссертаціи, то здѣсь имѣется въ виду не тотъ родъ диссертацій pro venia legendi, какой былъ принятъ для полученія права на приватъ-доцентуру, а болѣе серьезный трудъ, приближающійся къ типу магистерской диссертаціи; 4 голоса были поданы за слѣдующія требованія: экзаменъ, защита диссертаціи pro venia legendi и 2 пробныя лекціи (безъ искуса приватъ-доцентуры); одинъ голосъ былъ поданъ за то, чтобы для доцентуры требовать полной ученой степени (а для профессуры—еще и другихъ ученыхъ трудовъ).

Также раздѣлились голоса и по вопросу о жалованіи штатныхъ доцентовъ: 5 голосовъ было подано за сумму 2400 р. и 6 голосовъ—за сумму 3000 руб.

Разъ признана была необходимость введенія штатной доцентуры на вышеизложенныхъ основаніяхъ, то вопросъ о приватъ-доцентурѣ получаетъ слѣдующую постановку: приватъ-доцентура должна быть разсматриваема какъ родъ „свободной профессіи“, и ей присваивается наименованіе „вольной“; участіе приватъ-доцентовъ въ университетскомъ преподаваніи не только допускается, но и расширяется, въ интересахъ, какъ факультетскаго преподаванія, такъ и вообще развитія научной дѣятельности университета. Чтобы возможно широко обставить преподаваніе на каждомъ факультетѣ и предоставить возможность всякому ученому дѣлиться своими изслѣдованіями съ обществомъ, и въ тоже время создать ему наилучшія условія для продолженія его занятій, предоставивъ учебно-вспомогательныя учрежденія университета, коммиссія признала необходимымъ сохранить вольную приватъ-доцентуру

и никоимъ образомъ не ограничивать число приватъ-доцентовъ. Расширенную въ этомъ смыслѣ приватъ-доцентуру однако отнюдь не слѣдуетъ разсматривать, какъ переходную ступень къ занятію той или другой каѳедры. Утверждая кого-либо въ званіи приватъ-доцента, университетъ оказываетъ ему только нѣкоторую услугу и предоставляетъ ему въ пользованіе свои помѣщенія и, въ извѣстныхъ случаяхъ, учебно-вспомогательныя пособія, но не беретъ на себя никакихъ обязательствъ и заботъ о дальнѣйшей его судьбѣ. Вольный приватъ-доцентъ, особенно изъ числа работающихъ въ опытныхъ наукахъ, можетъ быть отличнымъ спеціалистомъ, въ какомъ-нибудь, хотя и очень узкомъ, отдѣлѣ той или другой науки, можетъ въ этой области получить новые выводы, можетъ имѣть свою оригинальную точку зрѣнія на тотъ предметъ, съ которымъ онъ пожелаетъ ознакомить слушателей. Можно указать, напримѣръ, на профессора Циглера, который, не будучи ботаникомъ, могъ бы читать въ качествѣ приватъ-доцента, весьма полезный курсъ по систематикѣ растеній,—извѣстнаго священника о. Іоанна Израилева, знатока акустики,—другого священника, Первушина, прославившагося самостоятельными изслѣдованіями по теоріи чиселъ. Можно было бы вспомнить объ извѣстномъ англійскомъ физикѣ Фарадеѣ, который ни сколько не унизилъ достоинства Лондонскаго королевскаго Общества, когда ему, благодаря отчасти случайности, пришлось прочесть публичный курсъ лекцій по электричеству въ то время, когда онъ не имѣлъ на это никакого формальнаго права... Поставивъ необходимымъ условіемъ для вольнаго приватъ-доцента экзаменъ на ученую степень, мы устранили бы всѣ возможные случаи, подобные, только что указанному, и причинили бы только существенный вредъ наукѣ.

9-й вопросъ.

Какія вообще мѣры должны быть приняты для правильнаго и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію?

Отвѣтъ коммиссіи. *Выборъ стипендіатовъ предоставить факультетамъ. Увеличить размѣръ стипендій, назначаемыхъ молодымъ людямъ, оставляемымъ для приготовленія къ профссорскому званію до 1200 р. (вдвое) на срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, по усмотрѣнію факультета. Отправлять потомъ ихъ въ ученую командировку заграницу или Россію на одинъ или на два года съ содержаніемъ по 2400 р. въ годъ.*

Мотивы. Необходимо уничтожить существующій нынѣ обычай, по которому иногда сами молодые люди, желающіе сдѣлаться казеннокоштными стипендіатами подаютъ объ этомъ прошеніе въ факультетъ. Нужно, чтобы иниціатива оставленія при университетѣ исходила отъ спеціалиста. Но такъ какъ иногда нѣкоторые профессора, даже выдающіеся, избѣгаютъ оставлять по своимъ каѳедрамъ стипендіатовъ, то необходимо, чтобы оставленіе стипендіатами талантливыхъ и усердныхъ молодыхъ людей лежало на обязанности не одного спеціалиста, но и всего факультета. На ряду съ казеннокоштными стипендіатами слѣдуетъ по прежнему оставить и своекоштныхъ, которые могутъ и сами подавать прошенія объ ихъ оставленіи при университетѣ. Назначая срокъ для стипендіатства отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, коммиссія полагала, что ближайшее опредѣленіе этого срока въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть предоставлено факультету, который, видя неуспѣшность занятій стипендіата можетъ прекратить выдачу ему стипендіи. Увеличить размѣры

стипендій необходимо для того, чтобы стипендіаты не отвлекались отъ научной подготовки посторонними занятіями ради заработка и были уравнены по крайней мѣрѣ въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія со своими менѣе талантливыми товарищами, поступающими на государственную службу; желательно, что-бы суммы, предназначаемыя для стипендіатовъ и ихъ ученыхъ командировокъ, отпускались въ распоряженіе каждаго университета въ отдѣльности, дабы избѣжать той крайней неравномѣрности въ распредѣленіи ихъ, какая существуетъ нынѣ. По уставу 1804 г. штатныя средства для командировокъ были пріурочены къ отдѣльнымъ университетамъ. Программы занятій должны даваться стипендіатамъ, но не стѣснять ихъ научныхъ занятій, предоставлять извѣстный просторъ индивидуальнымъ наклонностямъ. По окончаніи стипендіатства слѣдовало бы всѣхъ стипендіатовъ отправлять заграницу для ознакомленія на мѣстѣ съ европейской наукой и жизнью—только тогда могутъ выйти изъ нихъ настоящіе ученые профессора съ широкими горизонтами.

10-й вопросъ.

Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія?

Отвѣтъ коммиссіи. *Необходимо устраненіе излишнихъ формализма и регламентаціи изъ преподаванія, предоставленіе большей свободы совѣтамъ и факультетамъ въ распредѣленіи предметовъ и измѣненіи программъ, улучшеніе средней школы и установленіе связи между нею и университетами, улучшеніе матеріальнаго положенія студентовъ, расширеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.*

Мотивы. Благотворно повліять на возбужденіе интереса къ занятіямъ студентовъ можетъ, прежде всего, поднятіе уровня самой профессорской коллегіи, пробужденіе въ ней бодрости и энергіи взамѣнъ той апатіи и индифферентизма, которые теперь – и совершенно естественно – господствуютъ въ стѣнахъ университетовъ. Разъ измѣнится общая духовная атмосфера въ университетахъ, измѣнится, надо надѣяться, и настроеніе студентовъ: въ нихъ пробудится бо́льшая жажда знанія, интереса и болѣе благоговѣйное отношеніе къ наукѣ и подымется уровень ихъ образованія.— Необходимымъ условіемъ является *устраненіе излишняго формализма и регламентаціи*, которые такъ мѣшаютъ живому дѣлу университетскаго преподаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ достоинство профессора. Существуютъ заранѣе установленныя, обязательныя программы, утвержденныя г. Министромъ; распредѣленіе лекцій идетъ каждый годъ на утвержденіе министерства; подлинные рапорты профессоровъ изъ года въ годъ представляются туда же; нельзя перенести лекціи съ одного дня или даже часа на другой безъ осо-

баго на то разрѣшенія (сначала самого министра, потомъ—попечителя). Между тѣмъ въ университетѣ въ сущности немыслимы установленныя на цѣлый рядъ лѣтъ программы; наука постоянно движется, совершаются открытія, возникаютъ новыя научныя дисциплины и отдѣлы; заключить университетское преподаваніе въ рамки заранѣе опредѣленной на цѣлые годы программы, регламентировать его до мельчайшихъ подробностей—значитъ обречь его на рутину и отсталость.—Что касается *практическихъ занятій*, какъ средства къ поднятію уровня знанія, о которыхъ такъ много теперь говорятъ и отъ которыхъ многаго, повидимому, ожидаютъ, то, разумѣется, они необходимы и полезны. Но они не могутъ и не должны совершенно замѣнить лекцій и лекціонную систему. Иная лекція способна возбудить интересъ въ студентахъ и побудить ихъ къ работѣ гораздо больше, чѣмъ какія бы то ни было практическія занятія. Многое здѣсь зависитъ отъ *индивидуальности* профессора: одинъ—прекрасный и полезный лекторъ, но плохой руководитель при практическихъ занятіяхъ, другой—наоборотъ. Дѣлать обязательною ту или другую систему, замѣнять одну другою, это значило бы связывать индивидуальность профессора, не давать ему возможности проявить именно тѣ его качества, которыя составляютъ его силу. Многое зависитъ также отъ самого предмета или того отдѣла, который изучается, наконецъ—даже—отъ даннаго состава слушателей. И здѣсь всякая излишняя регламентація скорѣе можетъ повредить, нежели помочь дѣлу. Нужно предоставить каждому преподавателю и факультетамъ широкую свободу пользоваться тѣмъ или другимъ средствомъ для того, чтобы возбудить интересъ въ студентахъ и поднять уровень ихъ знаній... Въ настоящее время обязательны такъ называемые *общіе курсы*, большею частью читаемые изъ года въ годъ. Необходимо ограничить ихъ преобладаніе, такъ какъ

изъ за обязательныхъ общихъ курсовъ ни у преподавателей, ни у студентовъ не хватаетъ времени для *курсовъ спеціальныхъ*, которые иногда лучше общихъ могутъ заинтересовать студентовъ и ознакомить ихъ съ наукою и научными пріемами. Чтеніе изъ года въ годъ общихъ курсовъ по однимъ и тѣмъ же программамъ въ концѣ концовъ прискучаетъ профессору, и это неминуемо сказывается, конечно, и на его изложеніи. Многихъ отдѣловъ, по которымъ имѣются удовлетворительныя пособія на русскомъ языкѣ, профессоръ могъ бы не читать вовсе, отсылая слушателей къ такимъ пособіямъ, а освободившіеся такимъ образомъ часы съ большею пользою употребить на спеціальные курсы или на практическія занятія... Вообще профессорамъ и факультетамъ должна быть предоставлена большая свобода въ выработкѣ программъ.—... Измѣненіе существующихъ программъ будетъ немало содѣйствовать возбужденію интереса студентовъ къ научнымъ занятіямъ. Нѣкоторые предметы отталкиваютъ большинство и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаютъ немало времени, такъ какъ занимаютъ первенствующее положеніе среди другихъ (напр. классическая филологія на историко-филологическомъ факультетѣ или римское право на юридическомъ).

Нынѣшнее распредѣленіе предметовъ между факультетами требуетъ измѣненія и желательно, чтобы факультетамъ и совѣту дано было право, по мѣрѣ надобности и роста наукъ, производить дальнѣйшія измѣненія съ надлежащаго разрѣшенія. Для примѣра можно указать на историческое отдѣленіе филологическаго факультета; ясно, что въ кругъ читаемыхъ здѣсь предметовъ, не входятъ многіе, необходимые историку, напр. исторія литературы, политическая экономія и друг. Сказывается потребность въ учрежденіи новыхъ каѳедръ (напр. бактеріологіи на медицинскомъ факультетѣ) и въ увеличеніи числа профессоровъ (напр. по всеобщей исторіи

необходимо не менѣе трехъ профессоровъ). Организація преподаванія на болѣе широкихъ началахъ послужила бы однимъ изъ лучшихъ средствъ привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ и подняла бы уровень ихъ образованія. Важное значеніе могутъ имѣть также *научно-литературные студенческіе кружки*, развитію которыхъ въ настоящее время мѣшаетъ излишній формализмъ. Приведемъ слѣдующій примѣръ. Еще въ сентябрѣ и въ октябрѣ 1899 г. студенты историко-филологическаго факультета, преимущественно историки, съ увлеченіемъ взялись за мысль основать кружокъ для собесѣдованія и занятій по предметамъ историко-филологическаго факультета; на частныхъ совѣщаніяхъ съ профессорами выработанъ былъ проэктъ правилъ или устава этого кружка. Но прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ послѣдовало надлежащее разрѣшеніе. Большинство, отъ долгаго ожиданія, успѣло уже къ тому времени охладѣть; другіе, въ виду приближенія экзаменовъ, должны были больше думать о послѣднихъ, чѣмъ о кружкѣ. Да и самый проэктъ подвергся измѣненіямъ: вмѣсто *общаго историко-филологическаго* кружка разрѣшенъ былъ лишь кружокъ для занятій *исторіею литературы* и число участниковъ въ немъ было заранѣе ограничено извѣстною цифрою. Такъ кружокъ этотъ и не возникъ до сихъ поръ.

Нельзя игнорировать также зависимости умственнаго уровня студентовъ, ихъ интереса къ наукѣ и самой работоспособности отъ того образованія, которое они получаютъ въ гимназіяхъ.

Доступъ въ университетъ открытъ у насъ только воспитанникамъ классическихъ гимназій. Необходимо выяснить, въ какомъ соотвѣтствіи по своимъ качествамъ находится имѣющійся контингентъ студентовъ съ тѣми основами, которыя преслѣдуетъ университетъ въ своей дѣятельности. Общеизвѣстенъ фактъ, что наши классическія гимназіи плохо выполняютъ возложенную на нихъ

задачу—подготовлять своихъ воспитанниковъ къ занятіямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И это неудивительно; вопросъ о реформахъ какъ средней, такъ и высшей школы всегда разрабатывается въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ печати независимо для той и другой школы, всегда какъ бы упускалось изъ виду, что средняя школа играетъ роль подготовительной школы для университета.

Только изъ отдаленнаго времени — начала прошлаго столѣтія, мы имѣемъ указанія о болѣе живой связи между университетомъ и средними учебными заведеніями.

Затѣмъ временами раздавались голоса о необходимости контроля университета надъ способностями и знаніями поступающей въ него молодежи; извѣстно, что дѣлались даже неудачныя попытки такого контроля; такъ, въ пятидесятыхъ годахъ при университетахъ существовали экзаменаціонныя коммиссіи для пріема студентовъ; въ проэктѣ устава университетовъ 1863 г. было намѣчено, что поступающіе въ университетъ молодые люди должны исполнить письменныя работы и держать коллоквіумъ, удостовѣряющій ихъ познанія по данному предмету.

И въ настоящее время подготовлена реформа нашей средней школы, а голосъ наиболѣе заинтересованнаго въ ней учрежденія—университета не былъ выслушанъ.

Переходя къ разсмотрѣнію настоящаго положенія необходимо констатировать полную несостоятельность гимназическаго режима по отношенію къ университету. Юноши, оканчивающіе курсъ въ классической гимназіи, отличаются прежде всего отсутствіемъ нравственной и умственной зрѣлости и это находитъ себѣ выраженіе въ неспособности ихъ къ нравственной и умственной самодѣятельности.

Только отсутствіемъ нравственной самодѣятельности можно объяснить себѣ то узко утилитарное направленіе въ занятіяхъ, которое обуяло въ послѣднее время

всю нашу учащуюся молодежь. Правда, принято отвѣтственность за такое положеніе дѣла возлагать на общество и въ частности на семью; но что наши средняя и высшая школа не оказываютъ должнаго воздѣйствія въ этомъ отношеніи на своихъ питомцевъ—это также едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Да и въ самомъ обществѣ нашемъ возможенъ отпоръ въ низменныхъ его стремленіяхъ только со стороны главнымъ образомъ просвѣщенныхъ людей, вносящихъ въ него полученные ими завѣты университета.

Недостатокъ умственной зрѣлости у поступающей въ университетъ молодежи обнаруживается на первыхъ порахъ полной растерянностью относительно своихъ занятій. При этомъ выступаютъ и отсутствіе интереса къ этимъ занятіямъ и необходимаго навыка къ настойчивой работѣ, а затѣмъ — способности излагать устно и письменно свои мысли, и наконецъ, даже недостатокъ необходимыхъ для слушанія университетскихъ курсовъ познаній, при малоцѣнности ихъ по отечественному языку и предметамъ, разъясняющимъ явленія внѣшняго міра (физика, географія).

При такихъ условіяхъ трудно говорить о мѣрахъ, которыми можно въ университетѣ поднять научныя занятія студентовъ. Основною мѣрою во всякомъ случаѣ должно быть коренное преобразованіе средней школы; всякое промедленіе въ этомъ отношеніи должно имѣть гибельныя для университета послѣдствія; необходимо прежде всего дать университету нравственно и умственно зрѣлыхъ слушателей. Безъ этого условія никакая реформа не подыметъ его авторитета. На слабой почвѣ нельзя строить зданія съ расчетомъ на его прочность.

Нельзя поставить университетъ на должную высоту безъ соотвѣтствующей коренной реформы средней школы еще и потому, что качествами наполняющей университетскія аудиторіи и лабораторіи молодежи

обусловливается въ извѣстной мѣрѣ и учебная дѣятельность профессорскаго персонала. Въ исторической запискѣ, приложенной къ уставу 1863 года, сказано, что къ числу главныхъ причинъ упадка нашихъ университетовъ должна быть отнесена слѣдующая: „недостаточное приготовленіе поступившихъ въ университетъ къ слушанію лекцій часто заставляло профессоровъ обращаться болѣе въ гимназическихъ преподавателей, нежели въ университетскихъ профессоровъ“. Если это можно было сказать относительно такъ называемыхъ Уваровскихъ гимназій, то несомнѣнно, что приведенныя слова можно повторить и по адресу нашихъ классическихъ гимназій. Помимо уже сказаннаго, что эти послѣднія не развиваютъ въ своихъ воспитанникахъ нравственной и умственной самодѣятельности, они подавляютъ своимъ режимомъ свободное проявленіе ихъ индивидуальныхъ особенностей и это въ такое время, когда ученіемъ объ индивидуальности пропитаны всѣ сферы знаній. Неудивительно, что аудиторія съ такими, безучастно относящимися къ своимъ научнымъ занятіямъ, слушателями, не можетъ стимулировать профессора и незамѣтно учебная дѣятельность его принимаетъ чисто формальный характеръ. Никакое усиленіе практическихъ занятій при такихъ условіяхъ не принесетъ ожидаемой отъ него пользы.

Если предстоящая реформа средней школы измѣнитъ къ лучшему слабыя стороны нашихъ классическихъ гимназій, то этимъ будетъ данъ главный стимулъ для подъема научныхъ занятій студентовъ въ университетѣ; это вызоветъ и соотвѣтствующее оживленіе въ дѣятельности отдѣльныхъ профессоровъ и факультетовъ. Со стороны правительства потребуется только снять съ университетской коллегіи оковы многочисленныхъ регламентацій и дать имъ необходимыя средства на соотвѣтствующее выполненіе своихъ обязанностей. Мѣры для поднятія уровня занятій студен-

товъ могутъ быть весьма разнообразны и нельзя ихъ ограничивать извѣстными рамками; примѣненіе ихъ должно быть предоставлено инціативѣ факультетовъ и отдѣльныхъ преподавателей.

Въ виду всего сказаннаго необходимо признать, что между университетомъ и средней школой должно быть установлено извѣстное соотношеніе. Достигнуть этого можно прежде всего, предоставивъ университету подвергать обсужденію въ совѣтѣ вопросы о недостаткахъ средней школы по отношенію подготовленности заканчивающей въ ней свои занятія молодежи и результаты такого обсужденія представлять на усмотрѣніе Министерства.

При этомъ съ тою же цѣлью совѣту университета можетъ быть предоставлено также право посылать своихъ депутатовъ на окончательные экзамены въ гимназіи, депутатовъ, которые въ такомъ случаѣ должны будутъ представлять совѣту сдѣланныя ими наблюденія при исполненіи порученія.

Не малымъ тормазомъ въ дѣлѣ успѣшнаго занятія студентовъ является матеріальная необезпеченность ихъ. Въ то время какъ заграницей студенты принадлежатъ къ обезпеченнымъ классамъ общества, у насъ и прежде, и теперь они относятся частію къ разряду неимущихъ, а частію къ тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя по соціальному положенію своему занимаютъ среднее мѣсто въ обществѣ, но въ матеріальномъ отношеніи крайне необезпечены. Вслѣдствіе этого они вынуждены ради хлѣба насущнаго искать различныхъ заработковъ, отвлекающихъ ихъ отъ университетскихъ занятій. Необходимо дать имъ достаточное матеріальное обезпеченіе на все время прохожденія курса, но не въ видѣ частной помощи или случайной благотворительности, а болѣе правильной ссуды. Для этого необходимо реорганизовать на началахъ полной общественности существующія общества пособія нуж-

дающимся студентамъ, чтобы они выдавали возвратныя ссуды всѣмъ нуждающимся въ нихъ, безотносительно къ аттестаціи инспекціи о поведеніи и успѣхахъ учащихся, потому что малая успѣшность часто зависитъ отъ матеріальной необезпеченности. Желательно также, чтобы общежитія были переданы въ вѣдѣніе обществъ пособія нуждающимся студентамъ. На общежитія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дешевыя квартиры для студентовъ, а не интернаты, преслѣдующіе воспитательныя цѣли.—Университетъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи средствъ для прямаго воспитанія учащейся молодежи; да и едва ли вообще возможно воспитывать взрослыхъ людей. Еще хуже было бы примѣнять къ нимъ исключительно внѣшнія средства надзора и воздѣйствія, если не желать, чтобы обитатели общежитій разбѣжались. Несправедливо было бы, наконецъ, выдѣлять изъ общей массы студенчества однихъ съ цѣлью особеннаго на нихъ воздѣйствія и оставить на общемъ положеніи другихъ—это противорѣчило бы принципу одинаковой для всей академической свободы.

Но кромѣ существующихъ нынѣ обществъ для пособія и общежитій желательно было бы создать (хотя бы реорганизовавши первыя) особые студенческіе банки или кассы, которые выдавали бы всѣмъ желающимъ ссуды, достаточныя для безбѣднаго существованія студента во время прохожденія курса, безъ необходимости заниматься уроками. Погашаться же эти ссуды могли бы послѣ полученія окончившимъ курсъ студентомъ платной должности. Такой банкъ существуетъ, напримѣръ, въ Упсалѣ и приноситъ большую пользу.

Отмѣчена была также важность такихъ условій, какъ университетская автономія, облегченіе доступа въ университеты уничтоженіе нынѣ дѣйствующаго правила о прикрѣпленіи оканчивающихъ курсъ гимназій въ тѣхъ или иныхъ округахъ къ извѣстнымъ университетамъ и свобода преподаванія, предполагающая сво-

боду изложенія научныхъ возрѣній. Могли бы принести несомнѣнную пользу, по мнѣнію коммиссіи, и вполнѣ научныя общеобразовательныя чтенія характера для всѣхъ студентовъ на первыхъ курсахъ по такимъ предметамъ, какъ логика, философія, исторія, исторія литературы, законовѣдѣніе, гигіена.

Въ настоящее время между гимназіей и университетомъ существуетъ слишкомъ большое разстояніе и слѣдовало бы заполнить его такими именно курсами, которые несомнѣнно возбудятъ большой интересъ въ молодежи и помогутъ ей въ достиженіи общаго развитія, которое теперь, за неимѣніемъ ихъ, она стремится получить путемъ случайнаго чтенія и тому подобными средствами.

Наконецъ, огромное и самостоятельное значеніе можетъ имѣть расширеніе учебновспомогательныхъ учрежденій *на всѣхъ факультетахъ* и особенно на физико-математическомъ и медицинскомъ.

Коммиссія не считала себя вправѣ входить въ подробное и детальное разсмотрѣніе этого „нерва университетской жизни“. Министерство не поставило спеціальнаго вопроса о матеріальныхъ нуждахъ университета, объ измѣненіи штатовъ на его учебновспомогательныя учрежденія, но только, конечно, потому, что это уже не вопросъ, а давно и всѣми сознанная насущная потребность. О ней краснорѣчиво свидѣтельствуютъ много разъ доставлявшіяся университетами (въ томъ числѣ и Харьковскимъ) свѣдѣнія о неотложныхъ потребностяхъ этихъ учрежденій. Послѣднее представленіе Харьковскаго университета о размѣрахъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для устройства практическихъ занятій на всѣхъ факультетахъ, отправлено было совѣтомъ г. попечителю округа 16 мая 1899 г. за № 1408. Въ настоящее время факультеты заканчиваютъ разсмотрѣніе вопроса о нуждахъ ихъ учебновспомогательныхъ учрежденій—и желательно, чтобы

всѣ эти матеріалы были приняты во вниманіе при выработкѣ новыхъ штатовъ. При опредѣленіи этихъ послѣднихъ нельзя будетъ игнорировать и такихъ учебновспомогательныхъ учрежденій, которыя не были предусмотрѣны прежними штатами, возникли въ силу живой потребности въ нихъ, существуютъ нынѣ случайно внѣ штата и по справедливости должны быть теперь введены въ штатъ. Къ числу ихъ принадлежитъ въ Харьковскомъ университетѣ — *Историческій областной архивъ*, существующій уже внѣ штата 20 лѣтъ, имѣющій огромное научное значеніе и могущій служить полезнымъ учебновспомогательнымъ учрежденіемъ для историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ. *Коммиссія единогласно постановила ходатайствовать о введеніи его въ штатъ учебновспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета на основаніяхъ, принятыхъ единогласно историко-филологическимъ факультетомъ.*

11-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли возстановить курсовые экзамены съ допущеніемъ къ нимъ экстерновъ, гдѣ это, по характеру занятій, возможно? Точно также не слѣдуетъ ли допустить экстерновъ къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса?

Отвѣтъ коммиссіи. *Желательно учрежденіе не курсовыхъ, а предметныхъ экзаменовъ въ извѣстной послѣдовательности и порядкѣ, съ возстановленіемъ кандидатской степени. Максимальный срокъ пребыванія въ университетѣ—10 лѣтній для медицинскаго факультета и 8 лѣтній для остальныхъ, минимальный—5 лѣтній для медицинскаго и 4 лѣтній для остальныхъ. Должна быть допущена свобода слушанія лекцій въ томъ смыслѣ, что студентъ, желающій получить дипломъ, обязанъ выдержать въ извѣстной послѣдовательности и опредѣленномъ размѣрѣ, устанавливаемыми факультетами, рядъ практическихъ и теоретическихъ испытаній. Для слушанія лекцій и практическихъ занятій факультетъ вырабатываетъ къ руководству студентовъ особые планы, которые однако только рекомендуются для пользы студентовъ, но слѣдованіе которымъ для нихъ не обязательно (рѣшено большинствомъ 8 противъ 5 голосовъ). Меньшинство высказалось за такую формулу: студенты, желающіе получить дипломъ, обязаны прослушать извѣстное минимальное число предметовъ факультетскаго преподаванія и выполнить относящіяся къ нимъ практическія занятія, исполнивъ это въ той послѣдовательности, которая устанавливается факультетскими планами. Семь членовъ коммиссіи высказалось за допущеніе къ университетскимъ экзаменамъ на ученыя степени, начиная съ кандидат-*

ской, только тѣхъ экстерновъ, которые будутъ обладать соотвѣтственнымъ цензомъ, заранѣе въ законѣ опредѣленномъ; 6—за допущеніе экстерновъ съ разрѣшенія факультета и совѣта.

Мотивы. По вопросу объ университетскихъ экзаменахъ, мнѣнія членовъ коммиссіи раздѣлились: 8 голосовъ высказалось за предметные экзамены, 5 — за курсовые — и эта разница взглядовъ главнымъ образомъ обусловилась разницею взглядовъ на степень академической свободы слушанія лекцій.

Указывалось, что университетской наукѣ не свойственно подведеніе обучающихся подъ одинъ уровень и что свобода посѣщенія лекцій и практическихъ занятій необходимо должна быть признана, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ германскихъ университетахъ. „Свобода эта вовсе не означаетъ отсутствія системы и безконтрольности. Факультетами должны быть выработаны и установлены на опредѣленное время планы занятій для студентовъ. Руководителями занятій должны быть, конечно, профессора и ихъ помощники. Это руководительство не должно, однако, имѣть характеръ принужденія и отнюдь не требовать повседневнаго наблюденія за дѣятельностью и успѣхами учащихся, какъ это имѣетъ мѣсто въ средней школѣ... Черезъ опредѣленные сроки, напр. черезъ годъ или черезъ полгода, руководители могутъ и должны аттестовать руководимыхъ съ цѣлью такъ называемыхъ *зачетовъ*, т. е. констатировать достаточную успѣшность занятій предыдущихъ, чтобы перейти къ предметамъ занятій послѣдующихъ въ порядкѣ, опредѣляемомъ планомъ. Такія аттестаціи должны имѣть въ виду исключительно пользу студентовъ въ дѣлѣ усвоенія ими познаній и никоимъ образомъ не должны служить для подраздѣленія ихъ на дѣльныхъ и недѣльныхъ, надежныхъ и ненадежныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣжно возникаетъ скрытая борьба со всѣми ея темными и вредными по-

слѣдствіями: фальшью съ одной стороны и обидною подозрительностью — съ другой, сплоченностью руководимыхъ и скрываемой безпомощностью руководителей и въ концѣ концовъ утратою взаимнаго довѣрія и уваженія. Само собою разумѣется, что и въ прямомъ своемъ назначеніи аттестаціи должны быть основываемы на требованіяхъ минимальныхъ, чуждыхъ придирчивости и педантизма и обусловливаемыхъ самою необходимостью".

Нужно отмѣнить поэтому всякія внѣшнія принудительныя мѣры къ посѣщенію студентами лекцій и практическихъ занятій (наблюденіе инспекціи и педелей за посѣщеніями лекцій, запрещеніе студентамъ посѣщать лекціи тѣхъ профессоровъ, на которыя они не записались, стѣсненія создаваемыя системой гонорара и полицейскими цѣлями и проч.).

Одинъ членъ коммиссіи находилъ, что свобода слушанія можетъ быть осуществлена при установленіи экзаменовъ не по курсамъ, а по предметамъ. Студентамъ должно указать программы чтеній, предметы, которые они должны знать, и послѣдовательность въ ихъ изученіи—и только.

По мнѣнію другого, страхъ, что студенты разбѣгутся изъ аудиторій при необязательности посѣщенія лекціи— неосновательенъ. Студенты будутъ посѣщать лекціи тѣхъ профессоровъ, слушать которыя признаютъ необходимымъ для успѣшной подготовки къ обязательнымъ экзаменамъ. Поэтому нѣтъ надобности устанавливать не только никакихъ внѣшнихъ мѣръ но и педагогическихъ. При системѣ предметныхъ экзаменовъ всякій студентъ съумѣетъ проявить свою индивидуальность и талантъ и будетъ въ данное время заниматься тѣмъ предметомъ, который его интересуетъ. Экзамены должны служить аттестаціей не незнанія, а знанія и происходитъ въ извѣстные сроки, устанавливаемые фа-

культетами для лицъ, желающихъ подвергнуться имъ тогда, когда они сами себя признаютъ готовыми къ нимъ.

Третій членъ высказался за свободу слушанія въ томъ смыслѣ, что студенты, при предметныхъ испытаніяхъ, должны слѣдовать изученію предметовъ въ извѣстной послѣдовательности, согласно одобреннымъ факультетомъ планамъ, но при этомъ они не могутъ быть стѣсняемы временемъ для сдачи упомянутыхъ экзаменовъ; такъ напр. на медицинскихъ факультетахъ германскихъ университетовъ студенты часто посвящаютъ годъ и даже два для изученія только анатоміи человѣка. Кромѣ того, возможны частичныя измѣненія въ планахъ съ согласія факультета. Такимъ путемъ лучше всего достигается возможность принимать во вниманіе индивидуальныя особенности студентовъ при ихъ университетскихъ занятіяхъ.

Защитники курсовыхъ экзаменовъ и болѣе ограниченной свободы слушанія указывали на слѣдующія обстоятельства.

Одинъ находилъ, что не слѣдуетъ забывать, что профессора университетовъ не только ученые, но и педагоги. Какъ таковые, они должны воздѣйствовать педагогическими средствами на ту, далеко еще не сложившуюся по своимъ научнымъ вкусамъ и требованіямъ, учащуюся молодежь, которая приходитъ въ университетъ съ несомнѣнной жаждой знанія, но безъ умѣнія наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ использовать свои силы и разобраться въ массѣ наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ. Профессора должны позаботиться, чтобы между ними и студентами установилась прочная научная связь. Конечно, эта связь не будетъ достигнута какими-либо внѣшними мѣрами принужденія, перекличками студентовъ, пришедшихъ на лекціи и отмѣтками не пришедшихъ. Но профессора должны устраивать постоянныя коллоквіумы съ каждымъ изъ своихъ слушателей, должны быть установ-

лены сдачи студентами профессорамъ сдѣланныхъ первыми препаратовъ, составляемы исторіи болѣзни, провѣренныя профессорами и т. д., равно какъ и должны быть установлены экзамены каждый годъ, которые могутъ и не вести за собою непремѣнное оставленіе студентовъ на другой годъ въ случаѣ невыдержанія того или иного экзамена, но которые будутъ всегда хорошей педагогической мѣрой для слабохарактерныхъ, для которыхъ такое педагогическое воздѣйствіе необходимо.

Другой членъ коммиссіи находилъ, что всякій студентъ, желающій получить университетскій дипломъ обязанъ прослушать извѣстное минимальное число предметовъ факультетскаго преподаванія въ той послѣдовательности, которая устанавливается факультетскими планами, исполнить всѣ установленныя факультетами въ извѣстномъ порядкѣ практическія занятія и выдержать соотвѣтственныя испытанія. Безъ обязательности извѣстнаго минимума и установленной послѣдовательности, при полнѣйшей свободѣ слушанія, студенты будутъ лишены надлежащаго руководства и будутъ непроизводительно терять время, начиная занятія часто не съ того, съ чего бы слѣдовало.

Третій членъ коммиссіи заявилъ, что свобода слушанія въ нашихъ университетахъ можетъ быть только ограниченная, неполная. Такая именно ограниченная свобода прежде всего необходима въ интересахъ нашихъ студентовъ. Никто не споритъ противъ того, что всякія внѣшнія мѣры принужденія студентовъ къ исполненію ими ихъ обязанностей должны быть отвергнуты, какъ недостигающія цѣли и лишь стѣсняющія какъ студентовъ, такъ и профессоровъ, порождая между тѣми и другими нежелательное чувство недовѣрія. Иное дѣло—мѣры педагогическаго характера. Наша коммиссія признала необходимость университетскихъ экзаменовъ и отвергнувъ систему, аналогичную герман-

ской и идею созданія совершенно свободнаго университета, въ которомъ лекціи читаются безусловно для всѣхъ желающихъ безъ различія пола, возраста, предварительнаго образованія и т. д., сама пришла къ мысли о необходимости педагогическаго воздѣйствія на студентовъ. Но само собою разумѣется, что одними экзаменами ограничиваться нельзя. Въ тѣ 1/4 часа времени, въ которыя студентъ простоитъ передъ профессоромъ на экзаменѣ, послѣдній съ нимъ ознакомиться не можетъ. А профессоръ долженъ знать свою аудиторію, какъ студенты должны знать своего профессора, и такія явленія, что профессоръ видитъ экзаменующагося у него студента въ первый разъ въ жизни, крайне не желательны. Правильное ученое руководительство профессоромъ студентовъ можетъ быть установлено многими педагогическими средствами, о которыхъ уже упоминали и другіе члены коммиссіи. Вѣдь „констатировать знаніе“ на экзаменѣ, есть тоже, что констатировать и незнаніе. А какъ дать студенту медику больного, не удостовѣрившись предварительно, что онъ способенъ ухаживать и наблюдать за нимъ. Какъ допустить студента къ изученію предмета, познать который можно только послѣ изученія ряда другихъ, подготовительныхъ для даннаго. Говорятъ, что профессора и факультеты должны лишь „рекомендовать“ студентамъ планы занятій, но планы эти не должны быть для нихъ обязательными. Когда въ факультетахъ вырабатывается планъ и система преподаванія какихъ либо наукъ, то къ этому важному, серьезному и ученому дѣлу привлекаются ученые педагоги, умудренные долгимъ опытомъ всей предшествующей исторіи университетовъ. Какія же средства имѣются для выработки самостоятельныхъ плановъ занятій у только что окончившихъ курсъ гимназистовъ? Несомнѣнно такія попытки явятся при представленіи имъ свободы въ этомъ отношеніи, но не поведетъ ли

это только къ напрасной тратѣ силъ и времени, не будутъ ли эти попытки только покушеніями съ недостаточными средствами. Указано было въ видѣ справки на систему преподаванія, принятую въ Рижскомъ политехникумѣ. Совѣтъ политехникума вырабатываетъ планъ, въ которомъ, указываетъ какіе предметы служатъ подготовительными для даннаго. Студенты обязаны придерживаться установленной послѣдовательности какъ подготовительныхъ такъ и главныхъ предметовъ и допускаются къ экзаменамъ по главнымъ лишь выдержавъ экзаменъ по подготовительнымъ.

Четвертый членъ находилъ, что полная свобода слушанія не можетъ быть оправдана съ научной точки зрѣнія. Наука требуетъ *концентраціи*—это залогъ ея успѣха и гарантія отъ напрасной траты молодыхъ силъ, имѣющихъ всегда центробѣжныя стремленія. Задача университетскаго преподаванія, какъ преподаванія ученаго, заключается не только въ томъ, чтобы слушатели запомнили прочитанное имъ на лекціи, а чтобы они прониклись тѣмъ научнымъ духомъ, который долженъ быть характернымъ для университетовъ и которымъ послѣдніе отличаются отъ техническихъ школъ, хотя бы и высшихъ. Этимъ *духомъ изслѣдованія* студентъ не можетъ проникнуться при чтеніи какихъ бы то ни было учебныхъ пособій, а только на лекціяхъ университетскаго профессора, читающаго ихъ не догматически, какъ то дѣлаетъ профессоръ технической школы, стремящейся лишь *обучить* своего слушателя, а дискурсивно, какъ изслѣдователь. Лекція профессора университета должна быть для студента поприщемъ совмѣстной умственной работы, сожительствомъ ученой мысли профессора и студентовъ и потому профессорскія лекціи должны быть посѣщаемы студентами *обязательно*. Эта *обязательность* посѣщенія лекцій студентами, провозглашенная какъ принципъ, не нуждается ни въ какихъ полицейскихъ мѣрахъ воз-

дѣйствія, но должна имѣть за собою рядъ педагогическихъ послѣдствій. Профессоръ долженъ войти въ личное общеніе со студентами. Нельзя нивиллировать какой либо общей формой все разнообразіе этого общенія, но студентъ, желающій получить университетскій дипломъ обязанъ исполнять тѣ обязанности, которыя, подъ контролемъ факультетовъ, будутъ установлены для него профессоромъ для реальнаго осуществленія указаннаго выше общенія.

Къ тому же выводу слѣдуетъ прійти, разсматривая вопросъ о свободѣ слушанія съ точки зрѣнія государственнаго интереса. Государство, затрачивая средства на содержаніе университетовъ, ждетъ отъ нихъ приготовленія не диллетантовъ, а ученыхъ спеціалистовъ. Нужно опять таки концентрировать силы студентовъ для достиженія этой цѣли и указать имъ тотъ наиболѣе вѣрный и краткій способъ удовлетворить требованію государства, какой выработанъ многовѣковою исторіей.

Пятый членъ коммиссіи заявилъ, что никоимъ образомъ нельзя разсужчать о свободѣ слушанія независимо отъ мѣста и времени, для которыхъ такая свобода рекомендуется. Оставить безъ надлежащаго руководства даже лучшую часть нашего студенчества нельзя: они совершенно не умѣютъ работать самостоятельно, бросаются изъ стороны въ сторону и тратятъ совершенно напрасно много времени. Занятіе наукой требуетъ системы и послѣдовательности.

Подъ словами „свобода слушанія“ защитники ея разумѣютъ нѣчто, не совсѣмъ опредѣленное. Никакого сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что громадная часть студентовъ поступали, поступаютъ и будутъ поступать въ университеты для того, чтобы, обогативъ свой умъ познаніями въ той или иной научной области и овладѣвъ научными методами изслѣдованія, получить дипломъ объ успѣшномъ окончаніи курса, дающій имъ и нравственное удовлетвореніе, и извѣстныя права и положеніе въ

обществѣ. Та часть студентовъ, которая поступаетъ въ университеты исключительно изъ любознательности и не интересуется университетскимъ дипломомъ составляетъ такое ничтожное меньшинство, что о немъ не стоитъ и упоминать. Такія лица лишь называются студентами, а на самомъ дѣлѣ они должны быть признаны „вольными слушателями“, не выносящими изъ университета никакихъ правъ, но и не несущими никакихъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя они возлагаютъ на себя сами. У насъ же рѣчь идетъ не о послѣднихъ, а о студентахъ и коммиссія наша постановила, что тѣ изъ нихъ, которые желаютъ получить дипломъ, должны подвергаться экзаменамъ въ знаніи предметовъ факультетскаго преподаванія. Это первое ограниченіе „свободы слушанія“ тѣмъ болѣе значительно, что вычитать изъ учебниковъ то, что читаетъ профессоръ занимающійся наукой нельзя, а студенты должны къ экзамену знать то, что читалъ имъ профессоръ. Затѣмъ по самой сущности дѣла, студенты обязаны заниматься не только слушаніемъ лекцій, но и самостоятельно и къ занятіямъ этого рода ихъ пріучаетъ все болѣе и болѣе развивающаяся система практическихъ занятій, вводящая студентовъ въ самую лабораторію наукъ, если такъ можно выразиться. Оставить ихъ безъ руководительства, позволить имъ переходить отъ однихъ занятій къ другимъ, предоставить имъ самостоятельно выбирать объекты наблюденія и анализа, конечно, нельзя— и вотъ новое ограниченіе „свободы слушанія“, устанавливающей порядокъ послѣдовательности и самое содержаніе практическихъ занятій, выполнить которыя студенты, желающіе получить университетскій дипломъ, обязаны. Но быть можетъ „свобода слушанія“ будетъ заключаться въ томъ, что студентамъ предоставлено будетъ самимъ вырабатывать планы своихъ занятій, что вырабатываемые факультетами планы будутъ для

нихъ необязательны. Если, однако, будетъ въ тоже время установлена обязательная для студентовъ послѣдовательность въ изученіи и экзаменахъ факультетскихъ предметовъ и практическихъ занятій, то, само собою разумѣется, студенты силою вещей должны будутъ слѣдовать тѣмъ планамъ, которые для нихъ будутъ установлены факультетами и предоставленіе имъ самимъ вырабатывать свои собственные планы не окажется „свободою слушанія“. Несомнѣнно, никакія мѣры внѣшняго принужденія не заставятъ студентовъ заниматься науками и всѣ такія мѣры должны быть отмѣнены. Но университеты были и будутъ еще очень долгое время не учебными учрежденіями, а высшими учебными заведеніями и какъ таковыя они будутъ выполнять свое назначеніе лишь тогда, когда система преподаваемыхъ въ нихъ наукъ получитъ надлежащую стройность и въ тоже время подвижность, обусловливаемую постояннымъ прогрессомъ научнаго знанія. Въ нихъ будетъ не только культивироваться наука, но она будетъ и преподаваться въ извѣстной системѣ, порядкѣ и послѣдовательности, нарушать которыя безъ ущерба для дѣла, конечно, невозможно.

12-й ВОПРОСЪ.

Нужно ли предоставлять служебныя права оканчивающимъ университетскій курсъ.

Заключеніе коммиссіи. *Большинствомъ 10 противъ 2 присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ, коммиссія высказывается за предоставленіе служебныхъ правъ оканчивающимъ университетскій курсъ.*

Мотивы. По дѣйствующему университетскому уставу, получившіе университетскій дипломъ пользуются слѣдующими правами: 1) относительно отбыванія воинской повинности правами, опредѣленными въ уставѣ объ этой повинности; 2) принадлежащіе къ мѣщанскому сословію или состоянію сельскихъ обывателей правомъ на причисленіе къ личному почетному гражданству, хотя бы они и не поступали на гражданскую службу; 3) при поступленіи на гражданскую службу—правомъ на чинъ. Въ 1-мъ и 3-мъ случаѣ льгота, даваемая высшимъ образованіемъ, должна быть признана вполнѣ справедливой. Что же касается второго права, то оно осуществляется очень рѣдко, кромѣ того коммиссія вообще полагаетъ, что доколѣ дѣйствующее законодательство поддерживаетъ сословныя нормы, дотолѣ высшее университетское образованіе также не должно отказываться отъ правъ на нихъ, дабы не усиливать привиллегій сословности на счетъ образованности, тѣмъ болѣе что во многихъ случаяхъ высшее образованіе получается молодыми людьми, происходящими изъ податныхъ состояній путемъ тяжелыхъ жертвъ и матеріальныхъ лишеній не только ихъ самихъ, но и ихъ семей или родственниковъ. Существуетъ мнѣніе, что предоставленіе молодымъ людямъ, оканчивающимъ университеты служебныхъ правъ, имѣетъ своимъ послѣд-

ствіемъ наполненіе университетовъ лицами, совершенно не интересующимися наукой, а только гонящимися за дипломами и связанными съ ними служебными правами. Очень трудно перечислить однако всѣ тѣ личныя цѣли, которыя преслѣдуются молодыми людьми при поступленіи въ университеты. Одни изъ нихъ желаютъ обогатить свой умъ знаніями, не задаваясь какими либо практическими цѣлями, другіе—меньшинство—желаютъ посвятить себя спеціально служенію наукѣ; третьи смотрятъ на университетское образованіе, какъ на необходимую ступень, для пріобрѣтенія болѣе высокаго положенія въ обществѣ; четвертые, не имѣя внутренняго интереса къ наукѣ, все же добросовѣстно исполняютъ свои учебныя обязанности, чтобы получить служебныя права и т. д. Но какъ же уловить эти мотивы и побужденія, когда ихъ не можетъ вскрыть никакой экзаменъ и никакой контроль? экзаменъ и контроль могутъ дать указаніе только на фактъ слабой успѣшности, но не на ея внутреннія причины; съ другой стороны нельзя смотрѣть на университеты исключительно какъ на ученыя академіи. Какъ учрежденія государственныя, они должны служить и практическимъ интересомъ государства, подготовляя образованныхъ людей для всѣхъ сферъ государственной, общественной и частной дѣятельности. Оттого даже въ такихъ странахъ, какъ Германія, Австрія и Италія, въ которыхъ государственные экзамены почти совершенно отдѣлены отъ университетовъ и въ которыхъ служебныя привиллегіи университетами не даются, сохранено все значеніе *университетскаго диплома*, безъ котораго молодые люди *не допускаются* къ такъ называемымъ государственнымъ экзаменамъ.

Другое возраженіе противъ предоставленія оканчивающимъ курсъ въ университетахъ служебныхъ правъ заключается въ томъ, что университеты, давая служебныя права не даютъ въ то же время совершен-

но подготовленныхъ къ службѣ практическихъ дѣятелей, но и это возраженіе представляетъ результатъ нѣкотораго недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что по самому существу своему университеты могутъ выпускать главнымъ образомъ людей, получившихъ *теоретическое*, а не *практическое* образованіе, но и первое, какъ то показываетъ уже вѣковой опытъ, имѣетъ громадное значеніе для практической дѣятельности частныхъ лицъ и государства. Современные промышленные успѣхи Германіи въ большой мѣрѣ объясняются развитіемъ въ этой странѣ именно теоретическаго образованія. Этому послѣднему обязана также Пруссія своимъ образцовымъ чиновничествомъ, честность и знанія котораго общеизвѣстны. Практическія знанія, требуемыя на томъ или иномъ поприщѣ служебной, общественной или частной дѣятельности, крайне разнообразны и пріобрѣтаются главнымъ образомъ изъ практическаго опыта. Ничто не мѣшаетъ предоставить отдѣльнымъ вѣдомствамъ устанавливать свои спеціальные экзамены, безъ которыхъ молодой человѣкъ не могъ бы получить штатное мѣсто или повышеніе по службѣ. Однако во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ университетскій дипломъ долженъ, по мнѣнію коммиссіи, сохранить свое важное значеніе, какъ гарантія того, что къ прохожденію государственной службы, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ въ законѣ должностей, будутъ допускаться только лица, получившія болѣе или менѣе основательное теоретическое научное образованіе.

13-й ВОПРОСЪ.

Нужно ли сохранить государственные экзамены и, если нужно, то въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ.

Заключеніе коммиссіи. *Государственные экзамены, въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они учреждены уставомъ 1884 года, должны быть отмѣнены.*

Мотивы. Государственные экзамены, введенные уставомъ 1884 года, отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ на общемъ ходѣ университетской жизни. По идеѣ устава, экзамены эти должны были происходить въ особыхъ коммиссіяхъ, подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго каждый разъ Министромъ, при чемъ коммиссіи эти были поставлены какъ бы внѣ университета, такъ какъ экзаменаторами въ нихъ назначались лица, по усмотрѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія, при чемъ лица эти должны были производить экзамены по программамъ, составленнымъ для этой цѣли въ министерствѣ. Всѣ университетскіе экзамены, существовавшіе до 1884 года, были отмѣнены (оставлены полукурсовые только на медицинскомъ факультетѣ) и вмѣсто нихъ былъ введенъ такъ называемый „зачетъ полугодій“. Опытъ перваго же года этихъ экзаменовъ показалъ, что отдѣлить ихъ отъ университетовъ, при настоящемъ положеніи ученыхъ силъ въ Россіи, нельзя. Экзаминаторами оказались тѣже профессора, которые экзаменовали и прежде, но только они стали называться „членами экзаменаціонныхъ коммиссій“, начали получать въ качествѣ таковыхъ особое вознагражденіе за производство государственныхъ экзаменовъ, а предсѣдателями назначались по большей части профессора другихъ университетовъ, или вообще лица, состоящія на службѣ въ

вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—бывшіе профессора, состоящіе нынѣ на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ. Коммиссіи извѣстенъ только одинъ случай назначенія предсѣдателемъ экзаменаціонной коммиссіи лица, не занимавшаго должности профессора: это назначеніе предсѣдателемъ юридической испытательной коммиссіи въ Московскомъ университетѣ бывшаго прокурора Московской судебной палаты, нынѣ Министра Юстиціи тайнаго совѣтника Муравьева. Опытъ первыхъ годовъ введенія такъ называемыхъ „зачетовъ полугодій“, а также обязанности студентовъ подвергаться экзамену по всѣмъ предметамъ одновременно, показалъ все неудобство этихъ мѣръ. „Зачетъ полугодій“, въ особенности на многолюдныхъ курсахъ и въ многолюдныхъ университетахъ, превратился въ пустую формальность и по большей части не производился совсѣмъ, такъ какъ преподаватели не могли очень скоро не разочароваться въ этомъ способѣ удостовѣренія студенческихъ знаній, отнимавшемъ у нихъ массу времени изъ назначеннаго для чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій; студенты же относились къ этимъ зачетамъ прямо недоброжелательно, видя въ нихъ излишнюю формальность, подвергаться которой, въ виду предстоящихъ государственныхъ экзаменовъ, производимыхъ тѣми же профессорами, которые производили и зачетъ полугодій, имъ, конечно, не хотѣлось. И въ самомъ дѣдѣ: трудно профессорамъ было относиться иначе къ этимъ зачетамъ потому, что это были не экзамены, во время производство которыхъ можно было болѣе или менѣе удостовѣриться въ знаніи студентовъ, а нѣчто очень неопредѣленное, долженствовавшее удостовѣрить, что студентъ чѣмъ нибудь занимался. Вскорѣ обнаружились также неудобства производства экзаменовъ по всѣмъ предметамъ единовременно, въ одинъ экзаменаціонный пе-

ріодъ по историко-филологическому, юридическому и физико-математическому факультету и въ два—по медицинскому. Это неудобство выразилось прежде всего въ значительномъ пониженіи уровня знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ сравнительно съ уровнемъ, обнаруживаемымъ ими во время бывшихъ университетскихъ экзаменовъ, производившихся постепенно, изъ года въ годъ, по мѣрѣ прохожденія курса. Оказалось, что студенты очень мало занимались для „зачетовъ полугодій“ и начинали заниматься только передъ самымъ экзаменомъ и, въ лучшихъ случаяхъ—въ продолженіи 7-го и 8-го семестровъ. Пониженіе уровня не только знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ, не только ихъ развитія, но и общаго уровня научныхъ требованій отъ нихъ вызвано было еще и другой причиной, зависящей отъ системы государственныхъ экзаменовъ. Для этихъ послѣднихъ были выработаны особыя программы, которыя сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и программами преподаванія. Коммиссія не находитъ удобнымъ дѣлать теперь какую либо оцѣнку этихъ программъ. Для ея цѣлей совершенно достаточно указать, что эти программы вызвали къ жизни цѣлую литературу учебниковъ, конспектовъ и тому подобныхъ пособій, въ которыхъ наука излагалась примѣнительно къ экзаменаціоннымъ требованіямъ.

Интересъ къ слушанію лекцій у студентовъ почти исчезъ: да и какой въ самомъ дѣлѣ можетъ быть интересъ въ слушаніи лекцій, излагаемыхъ примѣнительно къ разъ на всегда составленной программѣ, когда имѣлись конспекты, даже цѣлые курсы, изложенные примѣнительно къ этимъ же программамъ, съ помощью которыхъ можно было выдержать совершенно удовлетворительно государственный экзаменъ. Въ большой мѣрѣ понизился также интересъ чтенія лекцій и у профессоровъ. Они лишены были права, благодаря

этимъ программамъ, излагать науку въ той системѣ, какую они себѣ выработали сами, они лишились возможности дѣлиться со своими слушателями тѣми учеными работами, которыя производили или изучали въ данное время, и тѣмъ самымъ, стѣна, поставленная уставомъ 1884 года между преподавательскимъ персоналомъ и учащимися росла все больше и больше...

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что министерскія программы, хотя и признанныя обязательными для профессоровъ, фактически въ очень большомъ числѣ случаевъ не выполнялись, тѣмъ болѣе, что слова „читать лекціи примѣнительно къ министерскимъ программамъ“ давали законный поводъ къ весьма существеннымъ уклоненіямъ отъ нихъ, и министерство вполнѣ примирилось съ этимъ фактомъ, потребовавъ лишь, чтобы профессора, черезъ деканов, сообщали предсѣдателямъ экзаменаціонныхъ коммиссій о тѣхъ отступленіяхъ, которыя ими были допущены. Но сами предсѣдатели экзаменаціонныхъ коммиссій, въ качествѣ профессоровъ, сознавали неудовлетворительность и устарѣлость программъ и во время экзаменовъ совершенно спокойно выслушивали тѣ отвѣты, которые давали студенты не по министерской программѣ, а по программѣ профессора экзаменатора, своевременно утвержденной въ видѣ обязательно представляемаго каждымъ профессоромъ въ началѣ семестра плана преподаванія тѣмъ же министерствамъ. Такимъ образомъ, государственные экзамены превратились въ самые обыкновенные университетскіе экзамены, но только съ пониженными спеціально „экзаменаціонными“ требованіями и присланнымъ со стороны предсѣдателемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія ни на ходъ преподаванія въ университетѣ, ни на поднятіе уровня знаній студентовъ во время экзаменовъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ онъ послѣднихъ только во время экзаменовъ, не былъ

знакомъ ни съ характеромъ, ни съ индивидуальными качествами каждаго изъ нихъ и, какъ лицо постороннее данному университету, заботился лишь о томъ, чтобы экзамены проходили безъ всякихъ инцидентовъ. Молодые люди „коимъ зачтено было 8 полугодій“, очень часто подносили предсѣдателямъ благодарственные адресы за ихъ сердечное отношеніе, сказавшееся въ весьма значительномъ процентѣ лицъ, оканчивавшихъ курсъ съ дипломомъ 1-й степени, но... съ очень низкимъ уровнемъ знаній. Само министерство видѣло, что дѣло не стоитъ такъ хорошо, какъ это казалось съ перваго взгляда. Мало по малу были возстановлены бывшіе прежде университетскіе экзамены, подъ названіемъ полукурсовыхъ, а безъ нихъ студентовъ не допускали къ государственнымъ экзаменамъ; при этомъ студенты освобождались отъ экзаменовъ въ государственныхъ коммиссіяхъ по тѣмъ предметамъ, для которыхъ установлены были полукурсовые. На юридическомъ, напр., факультетѣ, полукурсовые экзамены производятся въ настоящее время по всѣмъ предметамъ, читаемымъ на 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ курсахъ, а государственные — только по предметамъ, читаемымъ на 4-мъ курсѣ (гражданское и торговое право и судопроизводство, международное право, уголовное право и судопроизводство) и по римскому праву.

Но это привело къ раздѣленію предметовъ университетскаго преподаванія на главные и второстепенные, при чемъ главными въ глазахъ студентовъ оказались тѣ, по которымъ удержаны были государственные экзамены, а второстепенными тѣ, по которымъ установлены были полукурсовые. Этотъ крайне вредный для всего хода университетскаго преподаванія взглядъ находилъ себѣ, однако, подтвержденіе въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ министерства. Такъ, одно время было установлено, что студенты имѣютъ право представлять въ

экзаменаціонныя коммиссіи сочиненія только по „главнымъ“ предметамъ, т. е. по тѣмъ, экзаменъ, по которымъ производится въ государственныхъ коммиссіяхъ. Правда, распоряженіе это было вскорѣ, по ходатайству факультетовъ, отмѣнено, но самый фактъ его появленія не могъ не оказать своего вліянія. Студенты кромѣ того не могли не придавать значенія тому обстоятельству, что профессора однихъ предметовъ производятся одинъ разъ въ году въ члены экзаменаціонныхъ коммисій, что за свое участіе въ испытательныхъ коммиссіяхъ они получаютъ особое вознагражденіе, тогда какъ профессора другихъ предметовъ, по которымъ экзамены производятся въ концѣ каждаго учебнаго года, не имѣютъ ни особаго званія, ни особаго вознагражденія за свой трудъ, хотя онъ бываетъ гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ у ихъ товарищей по преподаванію — членовъ экзаменаціонныхъ коммиссій, просто потому, что число экзаменующихся на первыхъ курсахъ всегда больше экзаменующихся въ государственныхъ коммиссіяхъ. Но дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и пониженіе интереса студентовъ къ болѣе спеціальному изученію „второстепенныхъ“ предметовъ, къ числу которыхъ, напр., на юридическомъ факультетѣ относятся такія важныя дисциплины, какъ государственное право, исторія философіи права, политическая экономія и статистика, финансовое и полицейское право, церковное право и проч. Коммиссія не знаетъ точной цифры суммъ, затрачиваемыхъ ежегодно на производство государственныхъ экзаменовъ. Но во всякомъ случаѣ находя этотъ расходъ непроизводительнымъ и считаетъ совершенно неудовлетворительной нынѣшнюю систему государственныхъ экзаменовъ, коммиссія рѣшила (большинствомъ 10 противъ двухъ голосовъ) что возстановленіе прежнихъ университетскихъ экзаменовъ замѣнитъ наилучшимъ образомъ нынѣ существующіе. Госу-

дарственныя испытанія — это учрежденіе иноземное, перенесенное на русскую почву тогда, когда она была еще совершенно неподготовлена къ его воспріятію. И въ такихъ иностранныхъ государствахъ, какъ Германія, Австрія и Италія, въ которыхъ существуютъ на ряду съ университетскими экзаменами государственные, эти послѣдніе удостовѣряютъ въ томъ, что лицо, желающее служить въ томъ или иномъ вѣдомствѣ или заниматься какой либо практической дѣятельностью, носящей до нѣкоторой степени публичный характеръ (врачи) имѣетъ надлежащія *практическія* познанія и подготовку. Персоналъ тѣхъ вѣдомствъ, въ которыхъ предполагаетъ проходить служебную карьеру данное лицо, и опредѣляетъ размѣръ необходимаго знанія и практической выучки и производитъ самый экзаменъ. Изъ всѣхъ Германскихъ государствъ только въ одной Саксоніи программы эти опредѣляются министерствомъ народнаго просвѣщенія *по соглашенію съ другими вѣдомствами*, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ государствахъ Германіи вѣдомства эти, по отношенію къ производящимся въ нихъ государственнымъ экзаменамъ, *совершенно самостоятельны*. Но эти экзамены во всякомъ случаѣ не могутъ замѣнить собою университетскихъ, ибо послѣдніе всегда имѣли и, надо думать, всегда будутъ имѣть значеніе не столько удостовѣренія въ практической выучкѣ, сколько въ теоретическомъ образованіи экзаменующагося.

Въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ имѣются нѣкоторыя постановленія, гарантирующія пригодность даннаго лица къ прохожденію избранной имъ служебной дѣятельности, но постановленія эти касаются только нѣкоторыхъ и далеко не всѣхъ учрежденій. Такъ, для полученія званія присяжнаго повѣреннаго установленъ пятилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго необходимо пробыть помощникомъ присяжнаго повѣреннаго; извѣстная послѣдовательность прохож-

денія службы по судебному вѣдомству опредѣлена уставами Императора Александра II; особыя испытанія установлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ вѣдомствахъ Министерства Финансовъ и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и т. д. Правительство, по мнѣнію коммиссіи, можетъ, если найдетъ то нужнымъ, развивать и далѣе наше законодательство о службѣ гражданской въ томъ же направленіи, но это развитіе нисколько не должно касаться университетовъ, программъ, предметовъ, въ нихъ преподаваемыхъ, самого характера университетскаго преподаванія и т. д.

Однимъ словомъ, нынѣшніе *фиктивные* государственные экзамены, по мнѣнію коммиссіи, должны быть уничтожены и возстановлены вмѣсто нихъ университетскіе экзамены; а кромѣ того, если то будетъ признано нужнымъ различными вѣдомствами, то пусть будутъ введены для лицъ, получившихъ университетскіе дипломы, еще особыя испытанія—*настоящіе государственные экзамены*—для полученія правъ на занятіе тѣхъ или иныхъ должностей на государственной службѣ.

14-й вопросъ.

Какія мѣры желательны для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?

Отвѣтъ коммиссіи и мотивъ. *Единственною мѣрою можетъ служить возстановленіе довѣрія къ профессорамъ со стороны правительства и поднятіе ихъ значенія въ университетскомъ самоуправленіи; никакія же частныя мѣры не приведутъ къ цѣли. Автономія, способствуя усиленію науки въ университетѣ, тѣмъ самымъ поднимет и нравственно воспитательное значеніе профессоровъ, ибо воспитывать своихъ слушателей профессора могутъ только на почвѣ научнаго сближенія.*

15-й ВОПРОСЪ.

1) Не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ. 2) Если слѣдуетъ,—то какія и на какихъ условіяхъ. 3) Не признаются-ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей.

Заключеніе коммиссіи по 1-му *пункту вопроса. „Да, слѣдуетъ допустить".*

По 2-му пункту вопроса. *Не предрѣшая подробностей организаціи студентовъ и считая необходимымъ предоставить ихъ выработку самой жизни, коммиссія признаетъ безусловно необходимымъ разрѣшать студенческія организаціи, имѣющія въ виду матеріальную взаимопомощь, научно-литературныя и другія цѣли, не выходящія изъ круга чисто студенческихъ потребностей и интересовъ, такъ, напр., кассы взаимо-помощи, столовыя, библіотеки, научно-литературныя кружки, землячества, курсовыя и факультетскія собранія и т. д. Разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ организацій должно принадлежать совѣту; руководительство и участіе въ этихъ организаціяхъ преподавательскаго персонала желательно, по выбору студентовъ и съ согласія совѣта.*

По 3-му пункту вопроса. *Курсовые старосты признаются коммиссіей полезными, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей.*

Мотивы. Вопросъ о студенческихъ организаціяхъ имѣетъ уже довольно длинную исторію. До 1859 года, студенты каждаго университета, въ томъ числѣ и Харьковскаго, составляли, если не корпорацію въ настоящемъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ товарищество

или сообщество, пользовавшееся фактически нѣкоторыми, хотя и мало опредѣленными, правами.

Съ начала 1859 года стали приниматься мѣры, направленныя къ уничтоженію духа солидарности между студентами и всего того, что сближало и связывало ихъ между собою. Изъ дѣлъ Харьковскаго университета видно, что поводомъ къ принятію этихъ мѣръ послужили безпорядки, возникавшіе въ Харьковскомъ университетѣ изъ за столкновенія студентовъ съ полиціей съ одной стороны и нѣкоторыми профессорами съ другой. Предложеніемъ отъ 22 мая 1859 года попечитель Харьковскаго учебнаго округа сообщилъ ректору университета, что Государь Императоръ, по разсмотрѣніи предположеній о мѣрахъ къ предупрежденію столкновеній студентовъ съ полиціею и другими мѣстными властями, Высочайше повелѣть соизволилъ: подчинить студентовъ, наравнѣ съ другими гражданами, полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи". Изъ послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ событій университетской жизни видно, что мѣра эта, распространенная на всѣ университеты Имперіи, не имѣла вліянія на прекращеніе студенческихъ безпорядковъ. Уже 20 сентября того же 1859 года попечитель Харьковскаго учебнаго округа донесъ Министру о мнѣніи, распространившемся между студентами, что подчиненіе ихъ полицейскому надзору внѣ стѣнъ университета снимало съ нихъ обязанность подчиняться требованію университетскаго начальства относительно соблюденія должной формы на улицахъ, скромнаго поведенія, собраній ихъ на частныхъ квартирахъ и т. д. Въ виду этого 13 января 1860 года состоялось Высочайше утвержденное постановленіе, что подчиненіе студентовъ надзору общей полиціи не избавляетъ ихъ отъ повиновенія университетскому начальству. Такъ возникъ двойной надзоръ за студентами, поставившій ихъ въ далеко неодинаковое положеніе съ другими

гражданами. Послѣдніе имѣли право образовывать, согласно своимъ желаніямъ и потребностямъ, всякаго рода закономъ дозволенныя товарищества и сообщества, принадлежали къ какимъ либо мѣстнымъ союзамъ или сословіямъ или связывали себя сами съ тѣми учрежденіями, въ которыхъ служили или находили себѣ заработокъ, студенты же были поставлены въ совершенно особое положеніе, такъ какъ по самой идеѣ вводимыхъ постепенно правилъ они должны были представлять изъ себя отдѣльныхъ посѣтителей университета. За основанія правилъ, имѣвшихъ быть изданными для студентовъ совѣтами университетовъ, согласно предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 20 іюля 1863 года было предписано принять, 1) что студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета, а потому не должно быть допускаемо никакое дѣйствіе ихъ, носящее въ себѣ характеръ корпоративный; на семъ основаніи не дозволяется подача адресовъ, присылка такъ называемыхъ депутатовъ, выставленіе отъ имени студентовъ какихъ бы то ни было объявленій; 2) что зданія университета предназначаются только для преподаванія и что какъ во время, назначенное для лекцій, такъ и внѣ лекцій, не допускаются ни въ университетѣ, ни во дворахъ его никакія сходки или сборища; не допускаются въ университетѣ театральныя представленія, концерты, курительныя комнаты и т. п. Равнымъ образомъ не должны быть дозволяемы въ зданіяхъ университета никакія посторонніе университету учрежденія, несостоящія въ завѣдываніи университетскаго начальства, какъ то: особыя студенческія библіотеки, читальни, вспомогательныя ссудныя кассы. Эти правила, какъ сказано въ предложеніи Министра, предписаны съ тою цѣлью, чтобы устранить отъ университетовъ самые поводы къ прискорбнымъ событіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя вынуждали прекращеніе лекцій. Въ силу изданныхъ на

этихъ основаніяхъ правилъ, студенческія вспомогательная касса и библіотека, существовавшія въ Харьковѣ, были закрыты и съ тѣхъ поръ никакія легальныя студенческія организаціи не были допускаемы.

Правила для студентовъ, изданныя въ 1879 году, равно какъ и правила, составленныя согласно уставу 1884 года, по содержанію своему, совершенно тождественны съ изложенными выше, но съ нѣкоторыми дополненіями, а именно—студентамъ разрѣшено было курить табакъ въ особо назначенныхъ для того комнатахъ, но воспрещено произнесеніе публичныхъ рѣчей, производство какихъ бы то ни было денежныхъ сборовъ, участіе въ какихъ бы то ни было тайныхъ обществахъ и кружкахъ, какъ то, землячествахъ и т. п., хотя бы и не имѣющихъ преступной цѣли, а равно вступленіе даже въ дозволенныя закономъ общества, безъ испрошенія на то, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенія ближайшаго университетскаго начальства. Таковы въ бѣгломъ обзорѣ правила студенческой организаціи, или вѣрнѣе сказать, дезорганизаціи, проводимыя гласно, объявляемыя во всеобщее свѣдѣніе. Но за этими гласными правилами скрывались еще и не гласныя, неизвѣстныя и коммиссіи, но несомнѣнно существовавшія внѣ сферы университетскаго вліянія. Объ этихъ правилахъ можно только догадываться по массамъ высылаемыхъ изъ университетскихъ городовъ административною властью студентовъ, принимавшихъ участіе въ какихъ либо сходкахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—за собраніе съ совершенно невинными цѣлями въ частныхъ квартирахъ. Это еще болѣе усиливало разобщенность студентовъ, но нисколько не уменьшало числа случаевъ нарушенія обычнаго теченія университетской жизни. Даже болѣе того, чѣмъ суровѣе подавлялись всякія сходки, союзы, землячества, и т. д., тѣмъ больше поводовъ являлось къ производству студентами такъ называемыхъ безпорядковъ,

и тѣмъ чаще студенчество обращалось къ тайной организаціи, въ которой видѣло единственный выходъ изъ своего дѣйствительно затруднительнаго положенія.

Озлобленные, благодаря внѣшнимъ тяжелымъ условіямъ, ихъ окружающимъ, молодые люди переставали внимать голосу авторитетовъ, собственному своему разуму и цѣликомъ поддавались охватившему ихъ чувству. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, часто подвергаясь карѣ, далеко несоотвѣтствовавшей, по ихъ внутреннему самосознанію, винѣ, молодежь изъ тайныхъ студенческихъ организацій переходила въ таковыя же политическія. Болѣе или менѣе организованная среда, въ которую они въ такихъ случаяхъ попадали, являлась для нихъ привлекательной, въ особенности потому, что удовлетворяла ихъ чувству товарищества, соединяла на общее дѣло, преступное съ точки зрѣнія закона, но представлявшее ихъ заблуждавшемуся уму и возбужденному чувству благороднымъ подвигомъ. Коммиссія не имѣетъ возможности, за недостаткомъ времени, вдаваться въ бо́льшія подробности по этому больному вопросу. Полувѣковой опытъ жизни университетовъ съ совершенною ясностью доказываетъ, что всѣ стремленія сдѣлать изъ студентовъ „отдѣльныхъ посѣтителей“ университета, съ цѣлью предотвращенія безпорядковъ, не достигаютъ цѣли и разрозненная въ повседневной жизни молодежь легко объединяется путемъ тайныхъ организацій небольшой группы наиболѣе энергичныхъ, для производства такихъ глубокопечальныхъ для академической жизни явленій, какъ забастовки“ во всѣхъ университетахъ Имперіи, въ 1899, 1900 и 1901 годовъ. На „разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ“ указано было въ послѣдніе годы и правительствомъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ (см. правительственное сообщеніе отъ 24 мая 1899 года),

и распоряженіемъ покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, вслѣдъ за тѣмъ изданнымъ (21 іюля того же года), предписывалось: 1) широкая организація практическихъ занятій, 2) учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ и 3) устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій—въ качествѣ мѣръ для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ. Въ этихъ правительственныхъ распоряженіяхъ можно видѣть до нѣкоторой степени поворотъ во взглядахъ на значеніе студенческихъ организацій. Коммиссія полагаетъ, однако, что студенческимъ организаціямъ не слѣдуетъ придавать значенія исключительной, спеціальной мѣры для борьбы съ безпорядками. Такія организаціи нужны потому что онѣ будутъ содѣйствовать подъему умственнаго, нравственнаго развитія студентовъ и ихъ матеріальнаго обезпеченія. Пусть студенты используютъ всю силу корпоративнаго устройства, которое пріучитъ ихъ еще со школьной скамьи къ самодѣятельности, къ пониманію значенія и смысла взаимной помощи, общественнаго мнѣнія, исполненія своего долга, принятыхъ на себя обязанностей, разовьетъ въ нихъ чувства уваженія къ закону. Но само собою разумѣется, что все это косвенно должно повліять и на оздоровленіе студенческой массы отъ такихъ болѣзненныхъ явленій, какъ политическая агитація, забастовки и т. п., по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они зависятъ не отъ общихъ условій русской жизни, лежащихъ внѣ сферы и вліянія университета, а отъ условій быта студентовъ въ самомъ университетѣ—; путемъ постепеннаго вліянія на студенческую массу, они могутъ *перевоспитать*, дисциплинировать ее въ духѣ настоящей общественности, которая, уважая не только права, но и обязанности, преклоняется передъ закономъ, и если сознаетъ необходимость его из-

мѣненія, то дѣйствуетъ для этого тѣмъ же мирнымъ законнымъ путемъ, зная хорошо, что, сознаніе о необходимости той или иной реформы должно захватить широкіе общественные круги и за тѣмъ проникнуть и въ правительственныя сферы. Такія свободныя организаціи отвлекутъ очень многихъ отъ организацій тайныхъ, ибо послѣднія, при существованіи явныхъ, потеряютъ свой смыслъ и обаяніе.

Русская молодежь, какъ и всякая другая, очень чувствительна къ несправедливости, легко реагируетъ на всевозможныя явленія общественной и государственной жизни, даже на поступки и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и потому легко и сильно возбуждается. Легальныя студенческія организаціи едва ли передѣлаютъ самый характеръ нашей молодежи и заставятъ ее совершенно спокойно относиться къ подобнымъ явленіямъ. Но они усилятъ средніе элементы на счетъ крайнихъ, освободятъ болѣе благоразумное и спокойное большинство отъ насилія меньшинства и, слѣдовательно, будутъ содѣйствовать болѣе спокойному разрѣшенію разныхъ инцидентовъ и эксцессовъ. Говоря о свободныхъ студенческихъ организаціяхъ, коммиссія въ тоже время не думаетъ, что онѣ не должны быть подчинены никакому надзору и руководству. Она полагаетъ, что какъ съ одной стороны простымъ предписаніемъ нельзя создать какихъ либо дѣйствительно живыхъ и дѣятельныхъ студенческихъ организацій, при общемъ господствѣ полицейскаго режима и правительственнаго недовѣрія къ студентамъ, профессорамъ и университетамъ, такъ точно при автономномъ и коллегіальномъ строѣ университетовъ возможно развитіе довѣрія между учащими и учащимися и только на почвѣ этого довѣрія и уваженія другъ къ другу можетъ и должно возникнуть то необходимое руководительство студенческими организаціями совѣтовъ университета, безъ котораго, по мнѣнію коммиссіи, студенческія органи-

заціи, при настоящемъ составѣ студентовъ и разнообразіи настроеній тѣхъ общественныхъ слоевъ, изъ которыхъ они происходятъ, могутъ поставить себѣ цѣли, выходящія за предѣлы дѣйствительныхъ потребностей университетской жизни. Она въ тоже время полагаетъ, что предвидѣть всѣ формы этихъ организацій нельзя, такъ какъ онѣ зависятъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій самой университетской жизни. Поэтому, намѣтивъ лишь въ общихъ чертахъ тѣ цѣли, которыя могутъ себѣ ставить эти организаціи, коммиссія полагаетъ, что разрѣшеніе вопросовъ о формѣ и уставахъ этихъ организацій должны быть предоставлены совѣту университета. Примѣненіе къ студенческимъ организаціямъ принципа laissez faire едва ли удобно въ интересахъ ихъ самихъ, такъ какъ эти учрежденія на совершенно легальныхъ основаніяхъ возникнутъ только теперь и могутъ испытывать если не воздѣйствіе нелегальныхъ сферъ, то воздѣйствіе нелегальнаго, такъ сказать, настроенія. Профессора ясно сознаютъ всю затруднительность своего будущаго руководительства въ студенческихъ организаціяхъ, но, считая его необходимымъ въ интересахъ молодежи, готовы сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы дѣятельность ихъ шла по легальному пути.

16-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли возстановить университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ.

Заключеніе коммиссіи. *Университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ долженъ быть возстановленъ.*

Мотивы. Вопросъ объ организаціи учрежденій, вѣдающихъ дѣла о проступкахъ студентовъ противъ правилъ университетской дисциплины, имѣетъ уже свою длинную исторію. По уставу 1804 года университеты пользовались очень обширною юрисдикціею, при которой ректоръ, правленіе и совѣтъ исполняли многообразныя судебныя функціи. Уставомъ 1835 года юрисдикція университетовъ была съужена и право наложенія взысканій на студентовъ было предоставлено инспектору и попечителю округа. Порядокъ этотъ, имѣвшій, по словамъ объяснительной записки къ уставу 1863 года, много существенныхъ неудобствъ, такъ какъ „попечитель долженъ былъ ежеминутно вмѣшиваться во всѣ мелочи студентскаго быта, а студенты постоянно находили предлогъ жаловаться на произволъ и пристрастіе“, просуществовалъ до 1863 года, когда въ университетахъ былъ организованъ особый судъ, состоявшій изъ профессоровъ, по выбору совѣта, собиравшійся, по предложенію правленія университета, для разбирательства болѣе серьезныхъ проступковъ студентовъ противъ установленныхъ правилъ поведенія. Уставъ 1884 г. упразднилъ это полезное и заслужившее общее довѣріе учрежденіе и вмѣсто него ввелъ не судебный, а административный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ студентовъ. Можно было бы ничего не возражать противъ административнаго порядка разбира-

тельства дѣлъ о нарушеніяхъ правилъ студенческой дисциплины, если бы наказанія, налагаемыя административною властью университетовъ ограничивались только замѣчаніями и выговорами и не простирались бы до принудительнаго лишенія студентовъ свободы и даже лишенія ихъ такого драгоцѣннаго права, какъ право продолжать свое образованіе. Наказанія послѣдняго рода настолько серьезны и настолько глубоко затрогиваютъ интересы каждаго студента и всего студенчества, что предоставленіе права налагать ихъ административной власти, безъ тѣхъ гарантій въ полной справедливости взысканія и соотвѣтствія послѣдняго совершонному студентомъ проступку, какія даются только правильно-организованнымъ *судебнымъ* разбирательствомъ, представляется коммиссіи крайне нежелательнымъ. Поэтому предоставленіе права выборнымъ ректору, проректору и коллегіи деканов дѣлать студентамъ замѣчанія и выговоры, коммиссія считаетъ совершенно умѣстнымъ. Обращаясь къ анализу дѣйствующихъ правилъ о наложеніи взысканій на студентовъ, коммиссія находитъ, что при многочисленности властей, имѣющихъ право налагать эти взысканія, при суровости каръ, налагаемыхъ ими, правила эти не даютъ почти ровно никакихъ гарантій въ томъ, что приговоръ надъ совершившимъ проступокъ студентомъ соотвѣтствуетъ винѣ и что онъ, слѣдовательно, справедливъ. Согласно дѣйствующимъ правиламъ, власти, облеченныя правомъ налагать на студентовъ взысканія за нарушеніе правилъ дисциплины, суть: 1) инспекторъ, 2) ректоръ, 3) правленіе, 4) попечитель округа, 5) особое присутствіе, созданное „временными правилами“, наконецъ—6) полиція. Скала наказаній, налагаемыхъ на студентовъ, начинается прямо съ *выговора (замѣчанія*, т. е. того взысканія, которое имѣетъ наиболѣе предупредительный характеръ, въ этой скалѣ нѣтъ), за которымъ слѣдуетъ 2) выговоръ со внесе-

ніемъ въ штрафную книгу, 3) арестъ въ карцерѣ отъ 24 часовъ до 4 недѣль, 4) выговоръ и арестъ съ объявленіемъ, что виновный, въ случаѣ новаго проступка, будетъ немедленно удаленъ изъ университета, 5) временное запрещеніе, по распоряженію ректора, посѣщать университетъ, съ отобраніемъ входнаго билета и съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ ослушанія студентъ увольняется изъ университета, 6) увольненіе изъ университета по собственному прошенію, по предложенію ректора, 7) увольненіе изъ университета безъ прошенія и безъ права обратнаго поступленія въ тотъ же университетъ, но безъ воспрещенія поступленія въ другіе университеты и 8) исключеніе изъ университета. Эти взысканія, къ которымъ нужно присоединить еще 9) лишеніе пользующихся стипендіями и другими льготами этихъ послѣднихъ, сверхъ взысканій, перечисленныхъ выше, — налагаются университетской администраціей, т. е. инспекторомъ (1, 2 и 3, при чемъ право инспектора подвергать собственною властью студентовъ аресту въ карцерѣ ограничено 7 днями), ректоромъ (1, 2, 3—съ тѣмъ же ограниченіемъ, 4, 5 и 6) и правленіемъ (арестъ свыше 7 дней и 7, 8). Попечителю округа предоставлено уставомъ право утвержденія приговоровъ правленія, но и въ правѣ наложенія имъ взысканій, какъ главнымъ начальникомъ университета, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Не перечисляя здѣсь тѣхъ взысканій, которыя налагаются на студентовъ за неисполненіе „приказанія“ идти въ карцеръ, за совершеніе ими какихъ либо проступковъ противъ общихъ узаконеній и т. д., дополнимъ здѣсь скалу студенческихъ наказаній еще отдачею студентовъ въ солдаты на основаніи „временныхъ правилъ“ и высылку уволенныхъ правленіемъ студентовъ изъ университетскаго города полиціей, въ силу циркуляра по департаменту полиціи отъ 13 сентября 1899 года за № 1637.

Таковъ запасъ суровыхъ каръ, ожидающихъ студентовъ за совершеніе ими проступковъ противъ правилъ дисциплины. Коммиссія думаетъ, что суровость этихъ взысканій нисколько не повліяла на число проступковъ противъ правилъ и даже напротивъ того—введеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дѣйствіе имѣло своимъ послѣдствіемъ крайнее возбужденіе студентовъ и новые проступки.

Таковы были, какъ извѣстно послѣдствія временныхъ правилъ, которыя, къ счастію, не примѣнялись въ Харьковскомъ университетѣ, и можно отъ души пожелать, что-бы они были отмѣнены, ибо, по глубокому убѣжденію коммиссіи, ни суровостью каръ, ни созданіемъ особыхъ, внѣ университета стоящихъ судилищъ, нельзя предотвратить студенческихъ безпорядковъ и нарушенія правилъ, а этого можно достичь только сердечнымъ отношеніемъ къ учащемуся юношеству, надлежащимъ образованіемъ и воспитаніемъ его въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и развитіемъ какъ въ немъ, такъ и въ окружающемъ его обществѣ чувства законности.

Коммиссія не считаетъ себя въ правѣ обойти молчаніемъ и другую кару, налагаемую на студентовъ административными властями,—высылку уволенныхъ правленіемъ университета изъ университетскаго города, производимую полиціей, согласно указанному выше циркуляру. Торжественные проводы высылаемыхъ изъ Харькова студентовъ, съ произнесеніемъ соотвѣтственныхъ случаю рѣчей, производившіеся не только студентами, принимавшими участіе въ безпорядкахъ, но и тѣми, которые въ послѣднихъ никакого участія не принимали, и даже посторонними лицами, служатъ яркимъ свидѣтельствомъ того, что административная высылка не удерживаетъ студентовъ отъ демонстрацій и даже наоборотъ побуждаетъ ихъ къ производству послѣднихъ, причемъ демонстраціи эти происходятъ на улицахъ города и

направляются уже противъ губернскихъ властей, т. е. принимаютъ крайне нежелательный характеръ политическихъ манифестацій. Административная высылка студентовъ не можетъ считаться также раціональною предупредительною мѣрою, ибо вызываетъ въ массѣ студентовъ обвиненіе властей въ произволѣ и расшатываетъ въ нихъ самихъ чувство законности, о развитіи котораго надлежитъ всемѣрно заботиться. Коммиссіи нѣтъ надобности говорить здѣсь много о томъ, сколь несправедлива кара массовой административной высылки и по существу. Она имѣетъ совершенно различныя послѣдствія для лицъ, ей подвергнувшихся, смотря потому, богаты ли они или бѣдны, здоровы или больны, высылаются они въ то или другое мѣсто и т. д. Наконецъ, она, можно сказать, сильнѣе наказываетъ родителей, чѣмъ дѣтей. Административная высылка студентовъ не соразмѣрно отягощаетъ наказаніе, наложенное университетскою властію, и что самое важное — подрываетъ довѣріе къ самостоятельности и справедливости университетскаго суда.

Въ интересахъ этого послѣдняго, а слѣдовательно и умиротворенія студентовъ она должна быть отдѣлена отъ него и являться вполнѣ самостоятельнымъ наказаніемъ за совершенно самостоятельное преступленіе, законнымъ образомъ изслѣдованное и доказанное. Полиція же, на которую возлагается тяжелая миссія высылки студентовъ, не можетъ, конечно, входить въ разсмотрѣніе вопроса о степени виновности ихъ по существу, а потому мѣра эта всегда будетъ считаться студентами несправедливою и основанною не на законѣ, а на произволѣ. Въ виду высказанныхъ соображеній коммиссія считаетъ крайне неудобнымъ смѣшеніе университетской и полицейской юрисдикціи въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся нарушенія университетской дисциплины. Она полагаетъ, что не слѣдуетъ придавать студенческимъ волненіямъ и безпорядкамъ

того преувеличеннаго значенія, какое имъ было придано въ послѣднее время, и что на нихъ, при отсутствіи политической окраски, нужно смотрѣть какъ на явленія, могущія возникнуть по самымъ различнымъ поводамъ, при любомъ политическомъ строѣ и университетскомъ порядкѣ,—тогда и борьба съ этимъ печальнымъ явленіемъ потеряетъ свой острый характеръ и будетъ въ значительной мѣрѣ облегчена, въ особенности, если будетъ обращено серьезное вниманіе на развитіе взаимнаго довѣрія между высшей властію, университетскимъ персоналомъ и учащимися.

Переходя къ изученію компетенціи университетскихъ властей, коимъ по уставу 1884 г. предоставлено право налагать на студентовъ перечисленныя выше взысканія, коммиссія считаетъ нужнымъ прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что власти инспектора, не принадлежащаго къ преподавательскому персоналу университета и потому никакого нравственнаго авторитета не имѣющаго, предоставлена руководящая роль въ дѣлѣ наложенія на студентовъ взысканій и привлеченіи ихъ къ отвѣтственности. Инспекторъ, имѣя власть посадить студента въ карцеръ на срокъ до 7 дней по собственному усмотрѣнію (такой власти, какъ извѣстно, не имѣютъ даже земскіе начальники), является тѣмъ самымъ лицомъ, по представленію котораго, ректоръ имѣетъ право предложить студенту выйти изъ университета, а правленіе даже исключить его. Въ правленіи инспекторъ—полноправный членъ и слѣдовательно является одновременно обвинителемъ и судьей. Ректоръ, остальные члены и правленіе, обремененные другими занятіями, не имѣютъ къ тому же никакихъ средствъ провѣрить обвиненіе, возстановить событіе, повлекшее за собою обвиненіе въ проступкѣ, какъ оно того заслуживаетъ въ виду серьезности кары, налагаемой на провинившагося, и въ силу этого не могутъ выработать себѣ самостоятельное мнѣніе и рѣшеніе. Въ особенности безпомощными

оказываются ректоръ и правленіе при проступкахъ студентовъ массоваго характера, когда, напримѣръ, студенты устраиваютъ сходки, вырабатываютъ и подписываютъ недозволенные адресы и т. д. Какія средства имѣютъ ректоръ и правленіе опредѣлить степень виновности каждаго? Да и сама инспекція развѣ можетъ всегда безошибочно опредѣлить вину каждаго участника сходки? Вѣдь были же констатированы случаи самыхъ тяжкихъ ошибокъ, осужденія лицъ, не участвовавшихъ въ извѣстныхъ инкриминируемыхъ дѣяніяхъ, alibi одного было доказано его смертью, случившеюся ранѣе приписаннаго ему проступка. Дѣло изслѣдованія истины затрудняется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что и самъ обвинитель и судья въ правленіи—инспекторъ добываетъ необходимыя свѣдѣнія не непосредственно, а при посредствѣ своихъ помощниковъ и педелей. Дѣятельность педелей оказалась на столько неудовлетворительной, что роль ихъ, какъ „служителей инспекціи“, была упразднена распоряженіемъ покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣпова и вмѣсто упраздненныхъ педелей появился многочисленный персоналъ помощниковъ инспектора. Но и эти лица оказываются плохими слѣдователями и, какъ то можно было и ожидать, пользуются въ глазахъ студентовъ еще меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ состоящій въ званіи V класса и по большей части въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника инспекторъ.

Въ виду сказаннаго, коммиссія полагаетъ, что возстановленіе университетскаго суда приблизительно такой же компетенціи и состава, какой существовалъ по уставу 1863 года, будетъ мѣрой, крайне желательной и необходимой, ибо она подниметъ въ глазахъ студентовъ авторитетъ университетскаго приговора и будетъ содѣйствовать развитію въ молодежи чувства уваженія къ закону. Коммиссія надѣется, что такому

суду, какъ это было и раньше, студенты будутъ говорить правду и тѣмъ самымъ въ университетскомъ строѣ окажутся совершенно ненужными и излишними тѣ лица, которыя, при существующемъ порядкѣ, должны заниматься не производствомъ слѣдствія о винѣ каждаго нарушившаго правила поведенія студента, а наблюденіемъ за ихъ образомъ мыслей и характеромъ вообще, съ тѣмъ, чтобы положить этотъ матеріалъ въ основу рѣшенія объ ихъ проступкахъ. По уставу 1863 года, совѣтъ избиралъ ежегодно изъ профессоровъ трехъ судей и, на случай отсутствія кого либо изъ нихъ, трехъ кандидатовъ, избранные утверждались въ должности попечителемъ. Одинъ изъ судей, исполнявшій обязанности предсѣдателя суда, долженъ былъ принадлежать къ составу юридическаго факультета. Вѣдѣнію университетскаго суда подлежали дѣла, передаваемыя ему изъ правленія 1) о нарушеніи студентами въ зданіяхъ и учрежденіяхъ порядка, особыми правилами установленнаго и 2) о столкновеніяхъ между студентами съ одной стороны и преподавателями и должностными лицами университета съ другой, хотя бы они произошли и внѣ зданій и учрежденій университета. Правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ проректоромъ, ректоромъ, правленіемъ и судомъ, а также о порядкѣ дѣлопроизводства въ университетскомъ судѣ, составлялись каждымъ университетомъ и утверждались попечителемъ.

Разсмотрѣвъ эти правила, коммиссія пришла къ заключенію, что, при организаціи будущаго университетскаго суда, слѣдовало бы принять во вниманіе нижеслѣдующее. Университетскій судъ, по мнѣнію коммиссіи, не долженъ терять характера суда дисциплинарнаго, разсматривающаго лишь спеціально студенческія проступки. Въ виду этого, требованіе устава 1863 года, чтобы одинъ изъ судей былъ непремѣнно юристомъ,

врядъ ли умѣстно. Дѣятельность суда, по мнѣнію коммиссіи, должна быть по возможности извѣстна студентамъ, не только по поставляемымъ имъ приговорамъ, но и по характеру всего его дѣлопроизводства. Въ виду этого было бы желательно допустить присутствіе депутатовъ отъ студентовъ при судопроизводствѣ, безъ допущенія ихъ, однако, въ совѣщательную комнату при обсужденіи степени виновности и мѣры наказанія провинившагося.

Въ виду того, что для разрѣшенія дѣлъ по столкновеніямъ студентовъ между собою предполагается учредить особый студенческій судъ чести, дѣла этого рода должны подлежать университетскому суду только въ порядкѣ аппеляціонномъ.

Правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ органами административной власти университета, равно какъ и правила преданія студентовъ университетскому суду и порядокъ его дѣлопроизводства должны, по мнѣнію коммиссіи, быть выработаны совѣтомъ. Этому же послѣднему должно быть предоставлено право опредѣлить, по какимъ дѣламъ рѣшенія университетскаго суда должны быть признаны окончательными и по какимъ окончательное рѣшеніе должно быть предоставлено совѣту. Въ качествѣ мѣры въ высокой степени полезной, было бы желательно допустить при дѣйствіи университетскаго суда принципъ условности осужденія. Постановленія университетскаго суда должны, по мнѣнію коммиссіи, печататься во всеобщее свѣдѣніе въ Университетскихъ Извѣстіяхъ.

17-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли независимо отъ сего (университетскаго суда) ввести особый студенческій (товарищескій) судъ спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести? Если слѣдуетъ, то каковы должны быть организація сего суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ университетскому начальству.

Отвѣтъ коммиссіи. *Коммиссія единогласно высказалась за введеніе особаго студенческаго суда, который долженъ быть устроенъ по обычному образцу „товарищескихъ судовъ чести", съ тѣмъ, чтобы недовольные его рѣшеніемъ могли аппелировать къ университетскому суду.*

Мотивы. Основной мотивъ для введенія этого учрежденія заключается въ томъ, что оно составляетъ необходимую принадлежность корпоративнаго устройства. Если студенты получатъ корпоративное устройство въ формѣ землячествъ, кружковъ и т. п., что признаетъ полезнымъ коммиссія, то имъ необходимо будетъ предоставить и товарищескій судъ, по образцу, напримѣръ, судовъ, существующихъ въ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ или обществъ офицеровъ. (См. объ этомъ послѣднемъ въ уставѣ дисциплинарномъ. С.-Пб. 1901 г., глава 14-я—о судѣ общества офицеровъ, § 130—166). Этому суду могли бы предаваться для охраненія чести и достоинства студенческой корпораціи студенты, замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи или поступкахъ, хотя не подлежащихъ дѣйствію уголовныхъ законовъ, но не совмѣстныхъ съ понятіемъ о студенческой чести или изобличающихъ въ обвиняемомъ отсутствіе правилъ нравственности и благородства. Было высказано желаніе, чтобы судъ этотъ сотоялъ изъ

курсовыхъ старостъ подъ предсѣдательствомъ профессора, избраннаго студентами. Но другіе члены коммиссіи находили, что его организацію слѣдуетъ предоставить самимъ студентамъ. Рекомендовался также и третейскій судъ для разрѣшенія личныхъ недоразумѣній между студентами.

18-й ВОПРОСЪ.

Какія измѣненія желательно внести въ постановку университетской инспекціи?

Отвѣтъ коммиссіи. *Инспекцію въ ея нынѣшнемъ видѣ необходимо упразднить и возстановить вмѣсто нея должность проректора, избираемаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ въ помощь ректору по дѣламъ студенческимъ. Помощниковъ проректора желательно было бы также имѣть изъ преподавательскаго состава университета.*

Мотивы. Въ современной постановкѣ инспекціи есть такіе коренные недостатки, для устраненія которыхъ необходимо реформировать ее самымъ кореннымъ образомъ. Цѣль, сущность и смыслъ инспекціи по уставу 1884 г. и инструкціи, заключаются въ надзорѣ за поведеніемъ студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по мѣрѣ возможности, и внѣ его. Инспекторъ долженъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ и принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ *предупрежденію и пресѣченію* ихъ нарушенія; онъ и его помощники должны знать въ лицо всѣхъ студентовъ, слѣдить за посѣщеніемъ ими лекцій, ознакомиться съ ходомъ занятій и обстановкой стипендіатовъ и освобожденныхъ отъ платы; отъ инспектора зависитъ выдача студентамъ стипендій и пособій. Онъ въ одно и тоже время и слѣдователь, и прокуроръ, и судья по проступкамъ студентовъ. Онъ—полноправный членъ правленія университета по всѣмъ вопросамъ, въ томъ числѣ и научнымъ. Не будучи членомъ ученой коллегіи, не имѣя научнаго ценза, онъ вмѣстѣ съ деканами—представителями факультетовъ рѣшаетъ ученые вопросы, при чемъ зависимость его отъ ректора ослабляется зависимостью отъ попечителя округа.

Задачи инспекціи поставлены слишкомъ широкія, цѣли—недостижимыя и въ результатѣ выходитъ вмѣсто пользы вредъ, вмѣсто дѣла—его формальное, бумажное исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ. Нужно ли было создавать дорого стоющее учрежденіе, чтобы слѣдить за поведеніемъ студентовъ въ университетѣ и *внѣ его?* Если смотрѣть на студентовъ, какъ на школьниковъ, гимназистовъ, несовершеннолѣтнихъ, то, быть можетъ, и нужно; но вѣдь они—взрослые люди и подчиненіе ихъ, суровой школьной дисциплинѣ едва ли умѣстно; съ другой стороны можетъ ли инспекція достигнуть поставленной ей цѣли—наблюденія за студентами на дому? Конечно, нѣтъ. А своимъ надзоромъ въ стѣнахъ университета она мало достигаетъ даже своей прямой задачи (знать студентовъ)—и въ тоже время сильно вооружаетъ противъ себя учащуюся молодежь; полицейскія же формы, въ какія выливается этотъ надзоръ, совершенно исключаютъ возможность нравственнаго вліянія, сердечнаго отношенія къ молодежи—о нихъ молчитъ инструкція инспектору, ихъ она не хочетъ знать. Молодежь чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной какъ бы подъ строгій полицейскій надзоръ инспекціи. Вынужденная этимъ держаться на сторожѣ, оскорбляемая этимъ безпрерывнымъ надзоромъ и сыскомъ, она начинаетъ смотрѣть на представителей инспекціи, какъ на враговъ—съ недовѣріемъ, неуваженіемъ, боязнью и въ тоже время съ ненавистью, и сама усваиваетъ въ этой глухой борьбѣ привычки, не соотвѣтствующія доброму воспитанію. При такихъ условіяхъ, требуемая 23 § инструкціи солидарность между профессорами и инспекціей, оказывается невозможной, ибо одни дѣйствуютъ исключительно внѣшними мѣрами, а другіе внутренними нравственными.

При нормальномъ теченіи университетской жизни, инспекція оказывается безполезной, потому что то

реальное дѣло, которое она исполняетъ, носитъ чисто канцелярскій характеръ и не требуетъ этого сложнаго и дорогого института. Во время же безпорядковъ, когда повидимому въ ней является потребность, она оказывается безсильной по существу, потому что не обладаетъ никакимъ нравственнымъ авторитетомъ. Значительное усиленіе инспекціи въ послѣднеее время привело къ результатамъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ ожиданіямъ: безпорядки не уменьшились, а даже обострились и вся роль инспекціи свелась къ записямъ лицъ, присутствовавшихъ на сходкѣ, хотя эти послѣдніе и сами не отказывались свидѣтельствовать своею подписью участіе въ недозволенномъ собраніи. Но спрашивается: неужели существованіе инспекціи можно оправдывать тѣмъ, что ею будетъ записано нѣсколько лишнихъ участниковъ сходки? Очевидно что увеличеніе численнаго состава инспекціи, какъ то показалъ уже опытъ 1899 и 1901 г.г., вмѣсто ожидаемой пользы принесетъ только вредъ. Наоборотъ, наиболѣе раціонально будетъ здѣсь идти по пути сокращенія, а не усиленія. Нужно будетъ отбросить многія ненужныя и недостижимыя обязанности инспекціи—только тогда она войдетъ въ свое естественное русло.

Прежде всего слѣдуетъ сократить основную функцію инспекціи—ничѣмъ неограниченный надзоръ, доходящій до чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ, и низвести его до простаго наблюденія за порядкомъ; надзоръ же домашній долженъ быть совсѣмъ уничтоженъ. Затѣмъ нужно вовсе уничтожить обязанность инспекціи наблюдать за посѣщеніемъ студентами лекцій, во 1-хъ, потому что принудительное посѣщеніе лекцій совершенно не достигаетъ своей цѣли (студентъ, сидя на лекціи, можетъ вовсе не слушать лектора, читать какую нибудь книгу и т. п.), во 2-хъ, потому что оно было совершенно достаточно—единственная мѣра была бы перекличка, но она потребовала бы затраты массы вре-

мени и опять таки не гарантировала бы внутренняго успѣха, т. е. вниманія студента. Въ 3-хъ, принудительныя мѣры и записи только увеличатъ равнодушіе студентовъ къ преподаваемымъ имъ предметамъ. Уставъ 1884 года самымъ категорическимъ образомъ запретилъ студентамъ устройство кружковъ и всего того, что носитъ характеръ товарищескихъ дѣйствій; надзоръ за точнымъ наблюденіемъ этого требованія былъ возложенъ на инспекцію; но разъ землячества и кружки будутъ допущены—тогда и эта функція падетъ сама собою; поручить же *руководительство* въ кружкахъ инспектору или его помощникамъ—это значитъ сразу вызвать въ нихъ оппозиціонный духъ и погубить дѣло. По уставу 1884 г. инспекторъ несетъ многотрудныя и многосложныя обязанности въ качествѣ члена правленія—и эти обязанности отъ него отпадутъ и можетъ остаться только то, что относится къ поведенію студентовъ, отпадетъ между прочимъ по проэкту коммиссіи, и дѣятельность по распредѣленію стипендій и пособій ибо эти послѣднія должны выдаваться не за поведеніе, а нуждающимся въ нихъ лицамъ, чтобы дать имъ возможность заниматься наукой.

Если, такимъ образомъ, ввести въ естественныя границы функціи инспекціи, то тогда она не потребуетъ ни большаго состава, ни большихъ матеріальныхъ затратъ—нынѣшняго инспектора съ многочисленнымъ штатомъ помощниковъ и педелей легко замѣнитъ проректоръ съ помощниками изъ низшаго преподавательскаго персонала.

Проректору должно быть отдано рѣшительное предпочтеніе передъ инспекторомъ; инспекція явится единственно чуждымъ элементомъ въ общемъ коллегіальномъ строѣ университетской жизни.

При дѣйствіи устава 1804 года инспекторъ избирался изъ профессоровъ, т. е. иными словами былъ проректоръ. Уставъ 1835 года изъялъ изъ рукъ уни-

верситета дисциплинарную власть надъ студентами и отдалъ ее въ руки инспектора, который избирался изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ и былъ подчиненъ попечителю. По уставу 1863 года, совѣтъ могъ избрать проректора изъ профессоровъ или инспектора изъ постороннихъ лицъ. Уставъ 1884 года ввелъ инспекцію, назначаемую попечителемъ и независимую отъ совѣта. Такимъ образомъ, при бюрократическомъ строѣ университетовъ дѣйствуетъ инспекторъ, при автономіи — проректоръ изъ профессоровъ. Вѣрную оцѣнку этихъ двухъ системъ даетъ объяснительная записка къ уставу 1863 года. Не подлежитъ сомнѣнію, говорится тамъ, что при непрерывныхъ сношеніяхъ студентовъ съ инспекторомъ, послѣднему необходимъ высшій нравственный авторитетъ, котораго не можетъ имѣть лицо, совершенно чуждое университету и дѣйствующее не отъ имени университетскаго совѣта. Не потому только проректоръ или инспекторъ должны обладать нравственнымъ авторитетомъ, что управленіе при этомъ условіи дѣлается легче, но потому главнымъ образомъ, что, при отсутствіи нравственнаго авторитета, управленіе становится *невозможнымъ*. Такимъ авторитетомъ безъ сомнѣнія пользовался по уставу 1804 года инспекторъ изъ профессоровъ, а по уставу 1863 года проректоръ, избиравшійся совѣтомъ изъ числа профессоровъ. Совѣтъ, при выборѣ такого лица изъ числа своихъ членовъ, могъ знать очень хорошо, кому онъ ввѣряетъ эту трудную должность, а съ другой стороны, избираемый, уже давно знакомый съ университетомъ, зналъ напередъ, какія важныя и тяжелыя обязанности онъ принимаетъ на себя. Со стороны совѣта проректоръ могъ расчитывать на самое искреннее участіе и опору всей коллегіи университетскихъ преподавателей; въ университетской молодежи онъ встрѣчалъ знакомую публику, которая также уже имѣла возможность оцѣнить его достоинства заблаговременно. Напротивъ того

многолѣтній опытъ ясно показалъ, что управленіе инспекторовъ изъ постороннихъ лицъ не привело университеты не только къ желаемому совершенству, но даже и къ достаточному спокойствію; не смотря на добрую волю инспекторовъ и даже иногда на удачный выборъ лицъ, отношенія между инспекторами и студентами были почти постоянно враждебныя.

Не могли не сознавать аномаліи своего положенія и сами дѣятели инспекціи. Инспекторъ, прослужившій въ этой должности въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова 25 лѣтъ и вынесшій на своихъ плечахъ 9 крупныхъ безпорядковъ, недавно напечаталъ статью, въ которой доказываетъ, что инспекція должна быть упразднена.

Если въ учрежденіи все спокойно, говоритъ онъ, то инспекціи нечего дѣлать, если не считать за дѣло выдачу отпусковъ, подпись денежныхъ объявленій, веденіе кондуитныхъ списковъ и наблюденіе за временемъ, когда нужно давать звонокъ для начала и конца лекцій. Но все это можетъ дѣлать столоначальникъ съ 3 писцами. Во время же безпорядковъ инспекція еще болѣе обостряетъ накипѣвшее у студентовъ неудовольствіе и, не обладая единственною силою, могущею смягчить возбужденіе—нравственнымъ авторитетомъ—вмѣсто пользы приноситъ вредъ: не тушитъ огонь, а подливаетъ въ него масло. И такіе грустные результаты дѣятельности инспектора съ его помощниками происходятъ въ большинствѣ случаевъ не отъ того, что представители инспекціи, по своему развитію и нравственному уровню, не отвѣчаютъ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, а потому, что выполнить эти обязанности, по многимъ независящимъ отъ нихъ причинамъ, невозможно даже людямъ идеальнымъ по ихъ качествамъ. За тѣмъ авторъ статьи приводитъ рядъ характерныхъ эпизодовъ, ярко рисующихъ во время

безпорядковъ тяжкое положеніе инспектора — этого брандмейстера, который долженъ утушить пожаръ, не обладая нужными для этого средствами.

Проректоръ одинъ, конечно, не можетъ справиться со всѣми дѣлами, касающимися студентовъ, и потому ему нужны помощники. Но было бы вполнѣ цѣлесообразно провести черезъ всю организацію инспекціи одну и туже мысль о большемъ сближеніи двухъ составныхъ частей университета — преподавателей и слушателей и сообразно съ этимъ помощниковъ проректора также выбирать изъ числа преподавателей — доцентовъ, приватъ-доцентовъ, ассистентовъ и т. п. Такимъ образомъ, получился бы цѣлый персоналъ административныхъ лицъ, близко стоящихъ къ студентамъ и въ то же время составляющихъ часть ученой коллегіи. Цѣлесообразность этой мѣры сдѣлается еще очевиднѣе, если студенты, какъ то предполагаетъ коммиссія, получатъ организацію: тогда помощники проректора могутъ сдѣлаться естественными посредниками между студентами и факультетами по всѣмъ нуждамъ, касающимся научныхъ занятій студентовъ. Примѣръ подобной организаціи представлялъ Гельсингфорскій университетъ, въ которомъ во главѣ корпораціи стояли инспектора изъ профессоровъ и кураторы, выбиравшіеся студентами изъ доцентовъ. При такой организаціи роль проректора и его помощниковъ будетъ гораздо активнѣе, чѣмъ нынѣшняго инспектора съ его штатомъ. Имѣя естественную связь со студентами, зная бытъ и потребности университета, проректоръ и его помощники изъ преподавателей будутъ пользоваться въ глазахъ студентовъ авторитетомъ въ научномъ и нравственномъ отношеніи. Въ качествѣ членовъ совѣта и факультетовъ, они смогутъ познакомить всю коллегію съ нуждами, потребностями и даже взглядами студентовъ. При такой роли этихъ лицъ, и все управленіе ихъ можетъ пріобрѣсти не только довѣріе, но и расположеніе сту-

дентовъ. Главная ихъ обязанность будетъ направлена на то, чтобы оказывать содѣйствіе въ учебныхъ занятіяхъ молодежи. Охрана внѣшняго порядка, чистоты и благочинія можетъ быть возложена на экзекутора; канцелярскія же обязанности—на канцелярію проректора.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
№ 48900

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
6	15 св.	прочихъ условіяхъ	прочихъ равныхъ условіяхъ
18	3 сн.	кандидата	сочлена
21	1 св.	рѣдко.	невсегда.
30	13 „	и съ участіемъ проректора по студенческимъ дѣламъ	а по студенческимъ дѣламъ съ участіемъ и проректора,
„	14 „	научныя, студенческія и обще-университетскія дѣла,	дѣла студенческія, общеуниверситетскія и имѣющія отношеніе къ научной и учебной дѣятельности факультетовъ,
37	6 „	хозяйственныхъ.	хозяйственныхъ и судебныхъ.
48	8 сн.	скромному труженику	добросовѣстному преподавателю
49	11 св.	*необходима сумма*	*необходимо содержаніе*
50	16 сн.	была бы невозможна	могла бы быть затруднительна
61	9 „	то совѣту же	то только совѣту
64	5 „	желаніе,	желаніе (не членомъ коммиссіи),
66	10 „	*должности*	*званія*
-	7 „	*coloquiim*'омъ	*colloquiim*'омъ
67	3 св.	*подлежатъ*	*подлежатъ*
70	18 св.	Циглера	Цингера
72	5 „	менѣе	нерѣдко менѣе
75	19 „	большинство	большинство студентовъ
81	17 сн.	всей	всѣхъ
82	3 св.	общеобразовательныя чтенія	чтенія общеобразовательнаго
84	15 „	*лекцій въ томъ смыслѣ, что студентъ*	*лекцій. Студентъ*
91	9 сн.	Подъ	Одинъ изъ членовъ коммиссіи заявилъ: подъ
93	13 св.	учебными	учеными
95	14 сн.	интересомъ	интересамъ
106	15 „	*научно-литературныя*	*научно-литературные*
119	8 „	Ректоръ, остальные члены и правленіе	Ректоръ и остальные члены правленія
127	3 „	оно было совершенно достаточно—единственная мѣра	это средство было бы совершенно недостаточно: единственною серьезною мѣрою
128	8 св.	наблюденіемъ	соблюденіемъ
„	9 сн.	низшаго	младшаго